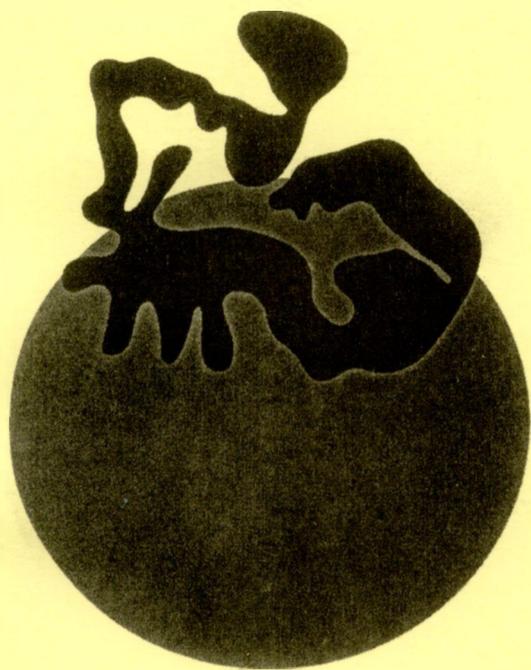

Пётр Червинский

ПАРАДИЗ

библиотека научного альманаха

STUDIA METHODOLOGICA

Пётр Червинский

ПАРАДИЗ

Тернополь
STUDIA METHODOLOGICA
2008

Червинский Пётр Петрович. Парадиз. – Тернополь: Підручники і посібники, 2008. – 108 с.

***В оформленни обложки использованы
фрагменты работ Ханса Арпа***

***Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica»
<http://www.studiamethodologica.com.ua>***

© Червинский П., 2008

ISBN 978-966-07-1261-4

ПАРАДИЗ

ПАРАДИЗ, -а, м. 1. Книжн. устар. Рай [*Петр Алексеевич*] начал глядеть на крутящиеся весенние облака - - - - *Парадиз!* - сказал. - *Ей-ей, Данилыч, парадиз, земной рай.* А.Н. Толстой. Пётр Первый

2. Разг. устар. Верхняя галерея в театре; раёк. - *Я вот свою драму скоро дам для представления, сам буду сидеть в парадизе.* Решетников. Между людьми

[Франц. paradis из греч.]

(Словарь русского языка. В 4-х тт., 1984)

Вечер у Фенефитьева

От Фенефитьева тяжёлый дух. Прелью пахнет. Ноги как начнет раскладывать, деваться некуда, словно в пасьянс играет. На диване что в лесу, ни повернуться, ни встать во весь рост, всюду ноги. Латыгин с отгяжкой повёртывается, медленно, словно хочет этим Фенефитьеву досадить. Где там. В тяжёлой челюсти достоинство, самодовольство и знание правил. Играют четвером. Кроме Фенефитьева ещё двое. Поддают. Незаметно, но чувствительно, так только чтоб видел Фенефитьев. Пальцами в перстнях стучит по колоде, расклад в его пользу, всё в его руках и всё ему навстречу, словно в распахнутую дверь. Тяжело. Тяжело и противно. Не хочется играть. Рука галливо подбирает даму. Лучшего нет. Фенефитьев морщится, со лба сползает тень. Почему это Фенефитьев всегда один? Один и тот же? Никто к нему не придёт из посторонних. Никто не улыбнётся. Никому он не нужен. И ему никто не нужен. Живут же такие люди. Куда ни придет, везде развалится и ноги задирает, как самую большую ценность. Латыгину нечего терять, Латыгин поворачивается и медленно, с отгяжкой на Фенефитьева плюет.

Мамай

Когда Мамай ходил на Русь, он не думал, что его именем назовут побоище, которое он учинит. Зато когда Латыгин затевал дебош, он знал, чем это кончится. Потому и прозвали его Мамаем.

Латыгин ужасно неуживчив, ему все мешают. Он когда начнет свои перевороты, всё лети, не останавливайся и не думай, что так сойдет. Ничего не сойдет. Во всём обречённость и провал. С кем бы ни было и как бы ни пошло, всё на

одно выходит. Побить ли кого подвернувшегося, ткнуть ли кому пальцем в глаз, оборвать ли что. На всё Латыгин первый человек, за ним не угнаться. Никто и не гонится. Фенефитьева, наклонясь, хватает его за уши, и вот они уже уткнувшись лбами. Всё лети к чёрту – и карты, и игра, и самодовольство.

Неужели так и должно быть? Гусев так не думает. Листы дрожат в его руке и, собрав их стопкой, он хлопает ими Латыгина. Гусев истинно русский человек и правильно всё понимает. Что делать и кому ходить.

Круги над Латыгиным сходятся, отступить некуда, и он падает поражённый.

Сыграли в ящик

За каким лешим, спрашивается, пришли? Потому что стучат. Скабрёзову не до шуток. Тот весь в делах, и ему встать все равно что всунуться головой в комод. Но пришли. С тяжелым стуком распахнули дверь. И вот уже на пороге. Пёсьев и Колобородов. Двое. В самый раз к свадьбе. Сестра Скабрёзова выходит замуж. Так вот поэтому. Скабрёзов мерцает глазами, будто видит их в первый раз и приглашает. Но те, вместо того, встают на стул и, исполняя марш, дуют в губы. Сразу Скабрёзову вспомнилось не бог весть что. День каких-то именин у Дормидонтова. Тогда тоже дули в трубы, бил барабан, пахло сиренью. И Скабрёзов вздохнул глубоко по невозвратному.

Подоконное

Дуеву не по себе. Прокричал кто-то внизу "дураки", всё казалось, не про него, но ведь бывает же. Он, если повернуть голову высунувшись вбок, сразу видит от себя только тень стены. Это сосед вешает занавеску, и ничего не видно. Но ведь надо же знать, кто кричит. Плёвое дело, казалось бы, высунуть голову и посмотреть, но нет ведь, не дают, залепают, как фонарём, глаза мухи, скручиваются, мельтешат, и всё чёрные, вздутые, как коты. Ни достать, ни отогнать, ни садануть головой. Дуев высовывается наконец, как язык, и глядит.

Лавочник

Сидор берет бидон и идет. У него в бидоне вода с вечера натекла, надо выплеснуть на асфальт под ларьком кому-нибудь под ноги. В очереди без суеты стоят каждый со своим. Не движутся. Молча и медленно в окошко посудину опускают, когда засовывают, и из окошка тоже, когда высовывают, опускают. А продающий ещё старается, чтобы пополей и чтоб прихлебать было что ещё по губам. И оно течет. Вреднюк.

Мерс'едес *

Затрещало. Привезли что-то там со службы. Со ступеней вниз сквозанул в широких штанах Маврод. Толстый и большой. Брюхо всё как в тюфяк упихано, и сам весь тащится, точно диван. Понесли ему что-то там наверх, два пенделя, две шестерни, шаркают, шумудят, буровят. К глазку прижался Черданов, чтоб не

даванули, гвозданули чего. И не видит, пыль одна, что привезли. Маврод прошлёпывает к себе наверх и хлопает дверью.

* Мерс'едес есть милосердие (исп.).

Звон

Ударили по стене. Звон пошёл. Бутыль хрустала, скovyрнувшись, хлопнулась. Большая бутыль. Косоротова сын экзамен сдавал - принесли. Борисова из постели, раскрыв глаза, как есть была в пеньюаре вошла и ещё раскрыла глаза совсем округло в крутой овал. Косоротов шикнул Борисовой, чтоб не показывалась как есть, Петька спит, но Борисовой что до того, когда звон. Петька в зале спит, ему все видать, и Борисову, и бутыль, и то даже, как Косоротов стоит, свесившись головой, опершись о косяк фортепьян. Пальцы тискают, и парные пятна идут по доске. Петька спит, одним глазом видит звон, как крышка упала от фортепьян, как страницы летят и чёрные мухи нот расползаются, разиня рты, - половинные и восьмые, совсем как Борисова в округлых глазах.

Тяжесть

Хрустнула дверь. Понавалились кучей и вот упали. Всё бы при этом ничего, если бы не придавили Дронова. Дронов не такой человек, чтоб стерпеть. Не встал ещё, а уже наскакивать с кулаками, и все больней норовит. Трюхин поднялся, Мардухов, Петифуров лежит ещё. Ему тяжелее всех, он большой, его чтоб поднять, больших трудов стоит.

Плёвое дело

- Наплевать, - громко сказал Порталёв, хватая Латыгина за рукав плюя. Латыгину незачем было при этом поднимать руку, у Порталёва и так бы не вышло из этого ничего, двух зубов впереди нет, но Латыгин поднял. Сидящие Гусев и Чемоданов подбежали хватать и, если бы Латыгин на месте стоял, схватили бы, но он вертелся, стараясь вывернуть рукав у Порталёва, и вышла в результате невероятная ерунда, один у другого тянут, и никто не дает, ходят, топчутся на одном месте, и ничем это не кончается. Разрешил всё Фенефитьев. Быстро и хорошо. Подошёл и всех толкнул. И все упали.

Мазаринады

Спели, прогулявшись под окнами у портного, за то, что дорого берёт, а материал самый что ни на есть завалищий. Валентина говорит, такой на складе у них просто так лежит.

Медленно прошлись вдоль домов в одну сторону, потом в другую. Приостановились около окна портного и снова спели, чтоб не скучал, а то ему хорошо, сам себе шьёт. Валентина говорит, почем зря дерёт, не из чего драть-то. Постояли и опять пошли. На углу встретили Коробова, захватили с собой, и его

заставили спеть. А у него голос сплошная фистула, то, что надо. Портному совсем не по себе будет от Коробова, он ещё и гадостей каких-нибудь припоёт, он это может. Постояли, спели и опять пошли. Может, ещё кого найдут по дороге обиженного, того тоже прихватят, глядишь, к утру много их наберется, что тогда делать портному на втором этаже, с кого брать?

Приватности судьбы

Справочник Иссахар любит ваньку валять. К нему приходят по делам с серьезным намерением, а он бог знает что говорит. Такой у него характер. Адреса перепутывает и не те номера даёт. Сидит в своем окошке и чай пьет. "Я, - говорит, - чтобы вам за пять копеек в окошко всё как есть на духу говорил, не будет этого." Это он так бунтует, против несправедливостей бытия. Может, он и прав, за пять копеек другой и рта не раскроет, не то что правду сказать. Колобородова когда на свет произвели, он ничего хорошего не сказал, а ведь ему это ничего не стоило, и даже денег никто не просил, то ли дело теперь, когда кто-нибудь просит, Колобородов никогда не даёт, но при этом такое говорит, кто бы мог подумать? Так что справочник Иссахар еще очень хороший человек, во всём справедливый. Правдолюбец. Взыскатель.

Ожидание

Разбудив Испанова ото сна, дождёшься. Все знают, что не стоит этого делать, но как-то забывают, проходя коридором. В коридоре корыто висит, давно повешено, и всякий кто мимо как-нибудь не так просквознёт, не тем боком или так, разгильдяйски, обязательно корыто заденет. Это уж как пить дать. И что же? Что бывает потом? Этого никто не узнает, кто не задевал корыта у двери Испанова.

Зато весело бежать в туалет. По лестнице, считая ступени. И у двери туалета тоже весело. Все в напряжении и ожидании, и нет Испанова.

В никуда

Скабрёзову приснился сон. Будто у него в голове закопошились мухи. Наверное, это он её так утрудил. Но Скабрёзов об этом и не подумал, он просто выставил её в окно на ветер, чтобы обдуло. Мухи срывались по одной и летели вниз. В никуда.

Василий Тёмный

Строков запутался в названиях дней. Он лежал на краю и думал, что пора бы уже принести почту. Но её почему-то нет. Листва сегодня почему-то в окне какая-то не такая, и как-то не так даже время сигналист. Что там за окном, в этом большом, одичавшем мире, всё ли на месте или съехало уже? Кто даст ответ? В нависающем потолке нет знака грядущего, мимо плывет кучерявый в отсветах воздух, пропущенный сквозь гардину. На улице за окном чикают птицы. Но ничего не видно. Только догадываться, тыкаться, бить кулаком. Колочий Колобородов

говорит, что это всё нервы и что незачем выходить из себя, нет чтобы подождать, пока принесут. Тёмный он человек. Много не понимает.

Месьё Гермафродит

- Мужчина, передайте копеечку! - Ну какой он им мужчина, Степанов? У него не то чтобы как у всех, но и не то, чтобы совсем не то, и потом, если так далеко заходить, то что ж это получается? Может, он себя вовсе не склонен таковым находить, ведь главное, относительно чего и ради чего стоит? Вот в Одессе на площади, высокий такой, на пьедестале стоит и свёрток в руке держит, так что не поймёшь что, этакий панический монумент, так там вроде и сомнений никаких нет, и то как-то в голову не придёт к нему так обращаться. Или вот когда Феофилактовы высовывается из окна поливать прохожих, так вот он мужчина с контрабасом, и еще какой. А Бальдер-мосье, тот, что приходит в карты играть, хоть и обыгрывает, но его мужчиной никак не назвать, изюминки нет, голос не тот, будто булавкой проколот и все такое густое, мужчинское сочится в этот булавочный дырокол, тонкий весь, хлявый, как болт на ветру. Не тот совсем. Вот у Мархотина, того, что манекена всегда играет у Киселёва, у того действительно есть, что показывать, как напряжётся, как выбьет бубну, бицепс, что твоей амбарный замок. Но он культуртрегер, тренируется, и ноги массивные, как стволы, правда, форма: сверху бутылочкой, а снизу дудочкой, а посреди перевязочка-черенок. Плисову далеко. Плисов толстый мужчина, каплюжный, всё как одно у него, глаз сквозит по нем и не останавливается, нечего зацепить. Так что мужчиной далеко не каждого можно назвать, ищи ещё, и смотри, не ошибиться бы. А вот каскадёр, что на днях Степанову носок отдал, прыгая с крыши на каком-то там отснятом километре (поди пощи ещё), тот хоть и прыгает, но неукложе, неспособно как-то, Степанов, может, ещё и лучше бы прыгнул, так не дают, - тот кто? Ходит вприпрыжку, выжидает, будто с крыши на крышу переступает, а на что посмотреть? Пьюгавый и кожа вся в сморшку, как будто натягивали на голову чулок и не натянули. Шеблов, тот хоть и высокий под потолок, но, говорят, сходит за женщину. Так что это ещё вопрос, кто кому кто и что есть человек человеку.

Оживление

Животом заболела Клавдия, недолго мучилась, померла.

Пришли все сродственники, двери вскрыли, Клавдию унесли.

Дверь оставалась открытой, Клавдии долго не приносили, разобрали всё.

Наконец вернулась Клавдия и ничего не нашла. Один комод. Сколько же было радости и оживления!

Трик-Трак

Поезжаев и Пеперудов починили диван. Положились на него втроем, Конопатов между. Хорошо было лежать.

Моев, тот, что сверху, не могли к себе попасть - ключ потерял - показался в окне Пеперудова и их увидел.

Поезжаев и Пеперудов не поднялись, а Конопатову вдруг неудобно стало лежать втроем, и он зарезал.

Моев перекидывал ногу уже через край, чтобы увидеть, что там.
Поезжаев и Пеперудов не шелохнулись, но Конопатов...
Моев, перелезши наконец через край, увидел одни только ноги.
Поезжаев и Пеперудов починили диван и положились снова.

Взмах

Открывая окно, Пеперудов свалил ящик с цветком, рукой задел. Рука взмахнула над головами тех, что внизу, точно с трибуны. Но никто не приветствовал Пеперудова в ответ, все бежали дальше. (Никому до вас никакого дела!)

Ветер. Струи воды

Стёкши по подбородку, остановились и потекли вспять.
Ударили в окно, расплескались в постели, голова запрокинута, остеклевенный взгляд - и лужа.

Страх

Заползает Игумнов под столик. Столик становится на дыбы вместе с ним. Что-то приснилось Игумнову, то ли кричит кто-то под окном, то ли мерещится, что кричит, но от этого не легче совсем. Тяжёлой каймой нависает чей-то подол со столика, Игумнов зажимает себе рот, чтоб не завопить, и пятится вместе со столиком и подолом.

Глаза чужих

Они напоминают две тыквы, катящиеся под откос. Так бы и плюнул им вслед Пеперудов, если б достало сил.

Бунт

В Косторове проснулся зверь. Страшный и тяжёлый, как чемодан без дна. В проходе сбили очки, когда хотел ухватиться рукой за проходящего, и залепили. То ли невзначай, продвигаясь к выходу, то ли делая вид, что продвигаясь, то ли еще как. Косторов оттянул момент, сделал выдержку и заругался, вроде и не было никого, вроде и в проходе никто не стоял, а сам он вышел себе на двор и разливается.

Косторова не остановил никто. Молча постояли, послушали. И молча, кивком головы подтвердили всё. В душе кого не просыпался зверь?

Когда на остановке начали выходить, перемешались все, как в колоде. Двери открылись. Потом закрылись. Выпустили кого-то. Кого-то впустили, кому не было дел до Косторова, и забыли. Ровно ничего не произошло.

Ипохондрический этюд

Колобородов сидел, скорчась, на спинке кресла, и было ему не по себе. Борисова стояла возле и в руке стакан. Немая сцена.

Блеск и нищета

Полировали шкаф. Долго и до изнеможения. Принесли тряпку, мохнатую, чтоб полировать. Но не хватило тряпки.

Плоды Просвещения

Хризостомов вчера подавился сливой. Долго запихивался ею и всё норовил укусить, но она скользила. Глаза Хризостомова выкатывались на лоб и сами при этом походили на сливу. Но Хризостомов не отдавал себе в этом отчёт, он так старался надгрызть её хоть в каком-нибудь месте, что не заметил того, как она прошла. Глаза Хризостомова остановились на том самом месте, на котором были, как бы погрузившись в себя, рот приобрёл такой вид, точно собирался снести яйцо, но только не знал ещё, куда его положить, а сам Хризостомов напрягся весь и от напряжения пошёл лиловыми пятнами. Стоявшие рядом, воспользовавшись моментом, напомнили Хризостомову известный рассказ Толстого про косточку.

Афродизьяк* - средство не уйти от судьбы

Пару раз Карадамов видел, как озверело лупят на дворе ковер, и всё при этом трясётся, трясётся, трясётся... Карадамов и в самом томительном сне не видал такого.

Теперь, всякий раз как в субботу выносят ковер на двор, Карадамов, замороженный, останавливаясь у окна, долго смотрит, не в силах оторвать глаз, на то, как его раскатывают и вешают, трусят, колотят, обтряхивают, сначала венником, потом щётками, потом здоровенной палкой, называемой "ковробой", подпрыгивают и обтягивают, потом точно также, с другой стороны, бьют и хлопают, потом наконец сворачивают и обтряхивают и обмахивают опять, расправляя углы и тугие складки. Всё это долго, по несколько раз повторяя одно и то же с большим усердием, до полного изнеможения.

Карадамов долго не мог понять, что же это, вернее, нутром своим чувствовал, переживая происходящее; нутро в нём дрожало, как пойманная в клетку мышь, и он не знал выхода для него, не знал, как это определить и назвать. Потом, наконец, понял и перестал себя спрашивать. Это был перст судьбы.

* Специфическое средство, возбуждающее секс. сферу. А. увеличивают и возбуждают нормальное либо пониженное секс. влечение. А. имеют различный механизм действия: могут действовать местно на нервные окончания, на спинной мозг, на центральную нервную систему либо раздражать мочеполовую систему. А. используются с давних времен, однако в большинстве случаев действие их ненадежно. Иногда даже вредные побочные проявления могут оказаться сильнее, чем ожидаемый возбуждающий результат. (Seksuologia. Zarys encyklopedyczny pod redakcją Kazimierza Imielińskiego. Warszawa, 1985, пер. с польского)

Соревнование

Сидели напротив и молотили друг друга по голове, кто быстрее и дольше. Голова у Саронова была совсем голая, как колено, у Турузова - тоже плешь, но волосы местами еще пробивались мхом. Гонтов, упершись костяшками пальцев в стол, считал. Шло на двести. Головы уже были сизы, а глаза навывкате, как горящий закат. Кто кого - могли решить только настойчивость и упорство. Саронов начинал уже мухлевать, подставляя вместо одного другое, Турузов крепился, из последних сил напрягая темя, которое почти уже не поддавалось, но воля к победе была еще в них сильна, поэтому, не переставая, молотили и молотили. Тяжёлый подбородок Гонтова отвисал и отвисал, считая, костяшки пальцев бурели, втискивая себя в стол, глаз уверенным маятником скакал с одной головы на другую, как мяч для пинг-понга, лоя удары. Шло на четыреста, и никто не хотел сдаваться. Саронов, на трехсот девяносто пяти испустив было дух, опять собрался и смотрел на Турузова совсем оступевшим, но твёрдым взглядом. Турузов, совершенно забыв, какой хотел применить приём, походил теперь на автомат без воды. Гонтов неумолимо считал, и все скакал маятником глаз с одной головы на другую. Шло на шестьсот, и никто из них не мог уже остановиться, даже если бы захотел.

Течение

Справядили со стены. Повисел, повисел, и вот. Пеперудов подмахивает со стола бумажки, смятые от конфет, и думает о неустойчивости бытия. В прошлом году когда приходили, садились совсем не так, боком к повешенному на стене, а в этом уже спиной. Пальцами не стучали тогда по столу, пальцы прятали. В крайнем случае руку положит кто на краю и держит. Ногу никогда не заложат на ногу. Теперь же и пальцы, и ноги - всё не так, всё не как прежде. Быстро время течёт, быстро меняет нравы. Пеперудов суёт бумажки в корзину из-под цветов, запикивает пальцем и придавливает ногой.

Притиснение

Войдя, сначала просовывают шкаф за собой. Нет бы наоборот. Шкаф, а потом уже сами. Теперь стоят, прижав Пеперудова к двери, и Пеперудов дышит одному из двоих в затылок. И дверь не открыть, и шкаф не просунуть, и не выйти обратно.

Арифметика

Полотёров повесил пыльник на пятый этаж и ушел. Карадамов вышел на четвертый этаж продышать и дышал этот пыльник.

- Почему одним все, а другим ничего? - думал Хромов, глядя на это с третьего этажа.

Решетов и Свербигаёлов (новый сюжет)

Решетов одалживался у Решетникова и подолгу не возвращал. Решетников - ничего, молчал. Только ходил себе и покашивался на Решетова. Решетов, когда дело

зашло совсем далеко, не решился от Мурина сестру свою Мусю оборонить, а Решетников всё покашивался. Тогда Свербигайлову стало не по себе и порешил он жену свою Фросю от второго мужа со зла пришить. Но ничего не вышло. Решетов подстерёг Свербигайлова, идущего со зла с решительным видом, и, как не могший теперь у Решетникова стать одалживаться (тот всё покашивался, а дело зашло совсем далеко), Свербигайлова закосил.

Невидимый председатель

Каждое утро Картузов становится на табурет и приветствует всех собравшихся кивком головы. Сначала в одну сторону, потом в другую. Улыбку тоже делает на скупом и открытом лице, картонную, но бесхитростную улыбку. Потом медленно поднимается на письменный стол и поднимает руку в приветствии, одну, потом две, в рукопожатии. Потом стоит, опустив руки по швам и устремив глаза в потолочный бордюр, там, где стена смыкается с потолком и образуют в соединении поперечную балку. Задумчиво слушает такты вступления и начинает медленно подпевать, едва шевеля губами. В эти моменты никто не видит Картузова.

Коллектив

Постучали в окно по стеклу. Не откликнулись. Опять постучали. Насобирали камешки и принялись кидать. То в подоконник, то в раму, то по стене, то, наконец, в сетку к соседу. Сосед показался, начал кричать, но ему не ответили. Покричал. Ушел. Насобирали новых камешков и принялись кидать. И опять то по стене, то в раму. Будь бы один кто, уже бы давно ушел, а так нет, стоят коллективом.

Сбитые с толку

В кино привезли сеанс. Написано одно - показывают другое. Выйдя из кино, посмотрев, все думают, что это правда.

Жульё

Скобородов на берегу разжился, натягивая прохожих, - заламывая уши у крыс, попросту говоря, таская шапки с головы тех, у кого они есть.

Мордоплюев обошел Скобородова, свалив с ним дурочку на берегу, т.е. подловив кису за хвост, иными словами, подсунув фальшивку.

Курослепов облегчил Мордоплюева, по дикости приняв его не за того, кто тот есть.

Но больше всех надсмеялся над трудовым заработком сотрудник сберегательного банка Бубник, когда не выплатил Карадомову просроченный в поездках по стране аккредитив.

Плешь

Плывёшь по реке - и вдруг пустое место. Так это на что-то похоже. Грустно становится на душе. И смешно. Хоть бы холмик какой, хоть бы травка. Но нет, и чёлн не проплывёт, и конь не валялся. Одна пустота.

Забубённое

Голова опрокинулась от головы, - совсем пьянь. Вечер уже, а всё как вчера, бубнит и бубнит одно ж.

То есть, то нету

Привезли гниль и всю растащили. Вчера, как узнали ещё, очередь собралась, пересчитывались, и вот, как привезли, - смели. Пусто у входа. Ветер помахивает не расхвтанную шелуху. Грузчик сидит, заложившись за ящик. Уныло смотрит из-под бровей. Маша, отвоевавшись, пересчитывает внутри оттопыренные рубли.

Бутерброд

Положили масло на хлеб. Большой кусок. И уронили.

Бутерброд в полночь

Достали масло из холодильника. Положили на хлеб. И пронесли мимо рта.

На Новый год тоже бутерброд

Был.

Опыты

В субботу к обеду Христопродавец пригласил Гредодомова. Поставил на стол борщ, котлету и помидорный салат. Поели.

В воскресенье Христопродавцеву принесли бульварный роман и он его прочитал.

В следующую субботу к Христопродавцеву никто не приходил и ничего не приносили, но он всё на что-то рассчитывал и до самого вечера не ложился спать, потому что знал по опыту, что по субботам что-нибудь да бывает. В воскресенье Христопродавец включил телевизор, но тот сгорел.

На следующую субботу Христопродавец опять пригласил к обеду Гредодомова и поставил на стол борщ, котлету и помидорный салат.

Открытия

Васюкин не нашел книжки на положенном месте и открыл рот, чтобы закричать. Потом вспомнил, что то, что ищет, сам же недавно и переложил. Васюкин открыл то куда и пошарил: лежало, где надо, и было оно. Васюкин закрыл его и снова открыл рот, чтобы закричать. Закричал и долго не мог сообразить, зачем. Тут открылась дверь, и Васюкин вспомнил, как он не мог найти книжки на положенном месте и как открыл было рот, чтобы закричать, но вспомнил, что сам же её и переложил. Ну до того же стало смешно вдруг Васюкину, до того смешно, что он опять открыл рот и опять закричал.

Загадка

К Конопатову на нос села блоха. Он долго смотрел на неё и думал, что это - маленькая, черненькая и блестит?

Наволочки без подушки

Лежали стопкой на полке, так чтобы издали нельзя было разобрать, полотенца это или трусы.

Устон

Стали большой толпой. Милиционера пропустили вперёд, не волнуются. Каждый возьмёт свое, то, что ему положено, не больше других стоящих, но и не меньше. Поровну. Милиционер стоит впереди и надзирает, чтоб народ не шалил, а каждого чтоб пропускал так, как тот стоит, справедливо чтоб и без суетни. Чтоб не было кривотолков и чтоб никто никого не бил. Бабы стоят и мужики. Малые и большие. Ответственно и с пониманием.

Послабление

Вот что вышло. Повесили на дверь замок. Приходили, дёргали. Оборвали, но висел на одной петле. Снова повесили. Но поменьше. Приходили, дёргали. Оборвали вместе с петлёй и унесли.

Дни без воды

День без воды. Второй. Третий. Четвёртый. Наконец, кажется, что так уже и должно быть. Если бы колодец. Или ручей. Можно бы было вымыть ноги.

Недостижимое

Напирают. Сзади давят и становятся на пятки, не предупредившись и не спросясь. Стоящие впереди вынуждены проталкиваться ещё быстрее. Те, что за

ними, стремятся стать стоящими впереди. Дальше - больше. Давление нарастает и растёт недовольство собой. Почему не первый и не второй, а вынужден отирать хвост? Хвост волнуется, как перед грозой, ему хуже прочих, хотя и свободы больше, но свобода колебательных движений его не устраивает. Магазин закрывается, магазин открывается. В лавке булки, в лавке их становится всё меньше и меньше. Повар в витрине с кренделем в руке широким жестом уже устал предлагать нарисованный кофе и, как усталый паяц, едва вымучивает из себя ставшую вчерашней улыбку. Стоящие всё стоят, и всё пытаются куда-то попасть, а балаган закрывается и погашен свет.

Инцидент

- Куда прёшь? - сказали Косторову, наступив на ногу. Косторов вовремя не сообразил двинуть в физиономию, и наступивший, благополучно миновал Косторова, протолкнулся вперёд.

- Эй вы, - постучал Косторов пальцем в плечо оказавшемуся впереди с намерением у того что-то спросить, но стоявший только дёрнул плечом и совсем сомкнулся, спиной давая понять, что не сойдёт с места и объяснять ничего не будет.

Косторов, взъярившись, ухватил безмолвно стоявшего и за плечо того разворотил. Морда разворотившегося вся пошла волдырями, вся запенилась, зашипела, как сковородка, и пошла плевать. В глаза, в уши, в бороду и в рот Косторова. Косторов, осатанев, размахнулся и лбом со всей силы боднул лоб плевавшего.

Пошла кровь. И было много зевак той сцены.

Невозвратное

Когда приносят свежатинку, Дора всегда на месте. Перекладывает всё, что принесли, и ласкает взглядом лежащую грудку. Чего только нет тут. Каких только шмоток не бывает на свете. И всё, что ни делают, всё попадает сюда, к таким, как Дора. Гладит пальцами Дора стопроцентный мохер и утыкается носом в козу. "Иных уж нет, а те далече", - сладострастно вспоминается Доре.

Зло

Караулов принёс порнографию. Прокрутили. Но никому от этого не стало легче. Поймать бы в следующий раз Караулова!

Эпидемия

Ехидно улыбается Мархоев, ехидно заводит глаза. Сам вроде как не из того теста сделан, сам вроде как вчера не то говорил. А теперь вот не хочет становиться как все. Все стоят, а Мархоев не хочет, всех проверяют, а Мархоев не даёт себя проверять. Паскуд.

Извращения

У Косоротова слишком высокий голос. Начинает дудеть - в ушах звенит и невозможно отхлебнуть чаю: ложка стучает по зубам. Много раз пытались заговорить Косоротова, чтоб не дать сказать, но он всё равно найдёт, куда вставиться, и возьмёт своё. Кропотов, стиснув зубы, пытается откусить бисквит. Коробов отхлебывает из чашки, не раскрывая рта.

Высота духа

Забегали спереди и заглянули. Было совсем не то. То было большое, зелёное. А это мохнатое, в крапинку. Но ничего. Спустили штаны и помочились.

Диалектический материализм

Грозобоев Карапузову не давал бумаги. Карапузов нервничал, всё пытаюсь обойти Грозобоева и как-нибудь в бумаги заглянуть, там было многое такое, чего Грозобоев не хотел, а Карапузову было край как надо. Ходили долго, всё вокруг стола и одного в нём ящика. Грозобоев не велит, и Карапузов вроде как не может, хотя не может и такого быть, чтоб не мог. Потому как оно вроде как и есть, и вроде как и нету: есть, потому что есть, а нету, потому что не написано, что есть, и вроде как смотреть на что? Потому и Грозобоев и Карапузов оба правы. Карапузов Грозобоеву прямо сказать не может, потому тот может сказать: "Покажите, что я должен показать", - и будет морально прав, - нечего показывать. И не сказать не может, потому как о чём тогда вообще может идти речь? Карапузов терзается, и Грозобоеву не по себе: он очень понимает Карапузова, но и материально не совсем уверен.

Возрастное

Кузьмин пятнадцать лет сосал одну и ту же должность. И скучно ему было, и высосал уже всю, и выплюнуть бы уже и заняться чем-нибудь. Разведением тюльпанов или писанием книг. Или вязанием. И все советуют, и дети с нетерпением ждут. И просто отдохнуть не помешало бы. Но нет, не идёт, не сосать уже он не может.

Хлебное место

Константинополь переплывает Донец. Разбежавшись, плюхается с берега и плывёт. Кругом круги. Видно, как растворяется в зное река, поднимаясь вверх образовывать тучку. Солнце. Степь. Надувается золотом колос. Константинополь доплывает до середины реки и начинает тонуть, не в силах поднять онемевшие за штурвалом предплечья.

Ночной пейзаж в перспективе террасы

Скобородов надулся на Ежевикова как мышья на крупя и сидит. Не шевелится и немее. Тень только пробегает какая-то по лицу, забывая какая-то, приправленная тоской, совсем не Скобородова тень. Ежевику наплевать. Ежевик погружённо разглядывает в банке сидящего паука. Глаза у него повторяются от стекла, дважды повторяются от стекла и нос выпучивается, вкругливаясь в изгиб, так что кажется, что весь Ежевиком лицом повисает. Скобородову не по себе, Скобородов раскачивается вперёд, и тень, забежавшая на лицо, канет куда-то за шиворот, прошмыгнув. Скобородов наклоняется ещё вперёд, и Ежевиком подрагивает, отражаясь, поколебленный волной от головы Скобородова.

Недоумение

С., когда высовывался из окна вниз ногами, кричал. И когда полетел, отпихнувшись от стены руками, тоже кричал. И когда летел, всё кричал. Когда долетел, почему-то уже не кричал. Снизу, может быть, не так слышно?

Помогите Михееву!

Животных у Михеева пять: крокодил, собака, медведь и верблюд с двумя горбами. Корзинщик приносит Михееву на шестерых: две ноги, горловину, траву и капусту с морковью. Михеев ест, и Михееву не хватает. Михеев начинает считать: животных пять - крокодил, собака, медведь и верблюд с двумя горбами, приносят на шестерых - две ноги, горловину, траву и капусту с морковью. - Михеев почти не ест, и Михееву не хватает. Что-то в этом не так. Помогите Михееву.

Охота пуше неволи

Чемоданов одолжил у Склерозова и пошёл. И не возвращался больше. Склерозов ёрзал, но сказал в коридоре, так что слышали Грохотов и Марабудов, что за рупь не застрелится. Грохотов и Марабудов ничего не подумали, но про себя решили, чем оно выйдет? Чемоданова не вернуть, рубль рублём, а Склерозов делает красивую позу, становясь в коридоре и вытягиваясь как выпь. В Мардадамове при виде такого - вот чудеса! - просыпается зверь, он хватает ружьё и стреляет в Склерозова. Склерозову - ничего, проносится мимо Склерозова, а Мардадамова - как же так? - на время сажают Мададамова, и приходится посидеть. Что делать - охота пуше неволи для Мардадамова.

О чём не говорил наш Конфудзий?

О голове сапожника Феоктистова, когда тот, забывая гвоздь, наклонил её, загородил себе свет и угодил по пальцу. Голова так и осталась висеть в назидание: свет должен падать с правой стороны и равномерно освещать всю Рабочую площадь.

О шнурках кавказского инженера Черкизова, когда тот, желая пройтись по бульвару, не завязал их как надо, споткнулся, упал и сбил сразу двух прохожих, идущих рядом. Шнурки сняли с Черкизова в назидание: переходя улицу, смотри

сначала налево, потом направо; трамвай обходи спереди, автобус и троллейбус сзади; не спеши и переходи только на зелёный свет.

О зубах Дормидонта Кутузова, выбитых ему во время ночного дежурства в сквере, потому что слишком поверил в добровольные начала народовластия, и теперь ходит совсем без зубов. В назидание ничего не повесили, не было что, но: раз в полгода каждый обязан проходить медосмотр, делать флюорографию и ремонтировать зубы.

И ещё о фантазиях Дроботова, о его странном пристрастии к сапогам. С голенищами, с отворотами, с раструбами и стойкой. Этих и других у него был целый полк.

Обо всём остальном говорил наш Конфудзий. Должен был говорить.

В который раз всё одно и то же

Лопнуло терпение у Карадамова, дёрнул он за провод и оборвал. Вчера показывали передачу, и в ней говорилось про то же. А то же показывали и говорили ещё неделю назад, но только другими словами.

Вышел из себя подключённый Картузов: в двенадцать часов все встают и поют то же, что пели в шесть, и так изо дня в день всё одно и то же.

Возмутилось всё в Паранове: Хроботов, кастелян, принёс от прачки всё те же носки и опять не его, не Параноева.

Хоть бы какая-то перемена!

Сон в руку

Мурзаеву приснилось, что он над пропастью считает галок. Долго стоит и считает, и всё ему снится, снится. Какая была пропасть - Мурзаев не видел, а галок было сто девяносто одна.

Кульг

Косторов Карадамову показал кулак, а Рододендронов завыл от ужаса.

Все мы люди

С Карадамовым был такой случай. Принесли Карадамову попугая, а тот, хоть и в клетке, но не орёт, сидит себе молча и клюв чешет. Карадамов и так с ним и так, и давай пытаться учить, но попугай глядит одним глазом и ни гу-гу. Скорбно стало Карадамову, тесно, как же так, он с ним как с человеком, а тот на него тьфу. Взял Карадамов попугая из клетки и выгнал. Попугай не летит, не хочет. Сидит на подоконнике и точно таким же манером клюв чешет, смотрит одним глазом и не орёт. Взял тогда Карадамов палку и принялся ширять, чтобы согнать попугая, пусть идёт, откуда пришёл, дичает, если культура ему нипочём. А попугаю хоть что - цапает Карадамова за ширяемую им в попугая палку, конец шепит и ещё к тому же к себе дерёт, вырвать хочет. Разозлился тут Карадамов, что какой-то тебе попугай поперёк становится, поучить хочет, хотя самый что ни есть некультурный, будильник со шкафа схватил и в попугая бросил. Как тут заорёт попугай, заорёт и

вспорхнёт: "Дерррьмо!", - заорёт, - "Дерррьмо", - и ещё повторил. Стыдно тут стало Карадамову, что так поступил и что будильник бросил, стыдно и горячо до слёз. "Какой же я после этого человек", - подумал, - "если так вот обидел птицу?" Может, и прав Карадамов?

Простите меня

- Простите меня, - просилась Фрося у населения, - я вам молоко от коров кажинный день водой разбавляла.

Простили Фросю.

- Простите меня, я вам вместо сметаны каждый раз чёрт-те что продавала.

Простили и продащицу, и её директора, и директора маслосырзавода, не то поставившего.

- Простите меня, я вам воду из экономии без конца отключал, и много наэкономил, премии, прогрессивки и просто себе в карман.

И его простили.

А Каверзов, новый начальник Картузова, подумал, подумал - и заюлил.

Кастор и Поллукс (миф)

Бондарев при виде Дурдина прячет руки в карманы. Дурдину нечего прятать, и он долго смотрит на Бондарева, пытаясь понять, что там у Бондарева. Бондарев не доверяет Дурдину, думая, что Дурдин дурит, и потому их прячет. Дурдин так не думает про Бондарева, но и ему становится как-то не по себе. Вместе они выходят на улицу, вместе идут по аллее, вместе возносятся, становясь звездой, но Бондарев так и летит, не вынимая рук из кармана, не подавая их Дурдину, а Дурдин смотрит на Бондарева, то открывая, то спохватываясь, закрывая рот. Не потому ли и звёзды всё время мигают?

Бесноватые

Монастырёв, Мурдин, Мимеков, Трубочинский, Фигуров, Лопик, Караваев, Иступлихиди, Вардрюкин, Дроплин, Философов и Короток влезли в фонтан и нагадили посредине. Было большое неудовольствие всех остальных.

Кто виноват?

Привезли смолу. Положили на солнце греть. Чинов и Бонбон'ов потоптались на том месте, походили в своих сапожищах, вроде там ничего не лежало. А потом так неприятно были удивлены.

Круговая поруха

Липтов достал где-то плиточный чай с переплатой, только просил не говорить. Маврухин пил у Липтова этот чай, но не сказал. Жена Маврухина, когда тот пришёл, обнюхала его, но не поняла, что же произошло. Маврухин утром пошёл

на работу и, выходя, надел другие штаны. Тёща Маврухина, убираясь в кухне, ничего подозрительного не нашла. Почтальонша, принеся счета и заглянув, стоя у зеркала, из коридора внутрь, ничего необычного не извлекла. Двоюродный брат Маврухина, приехавший на две недели и, тоже выходя, надевший совсем другие штаны, и он ничего не узнал. И только противная тётка Липтова, лезущая везде и вся, раскрутив давно пустовавшую кофейную банку, обнаружила то, что так скрывалось и так просилось не говорить.

Странный случай

Леопардов не мог без затей. Леопардову приносили толстых младенцев, Леопардов окунет палец в чернила и облизнет вместо того, чтобы записать их вес. Что этим хотел сказать Леопардов?

Что есть истина

На дороге лежит Толстомордов. Машины едут вдоль. Никто не остановит, чтоб подвезти Толстомордова, он и рук не станет им поднимать, зная всё это. Грязью не обдают Толстомордова, не плюют, не ругают вслед за то, что не так лежит. И на том хорошо. Мимо самосвалы, грузовики, автобусы, мотоциклы с колясками, а Толстомордов лежит, считает, сколько их таких развелось, чтоб не попустить, чтоб припомнить потом всё, чтобы всем потом стало стыдно от того, что вот ехали себе как ни в чём не бывало, а Толстомордов лежал.

Страшно подумать

Любви у Мороева не получилось. Квартира была сыра, окна выходили на север, форточка не закрывалась, в продаже не было простыней, горячую воду почти не давали, холодная так высоко не текла, на кровати записывали только военных, бельё не продавали и его нечем бы было стирать, Мороев, отчаявшись, выбросил из окна всё: повешенный на стене ковёр, обои, гардину, пиджак, лампочку, три тетради, ручку и целую стопку книг. Лёг на пол в чём был и никого решил не впускать. Никто и не приходил. Сброшенное разобрали, и каждый унёс себе кто куда. Мороев лежал на полу, и Мороеву было жёстко.

В голове одни незабудки

Карадамову надели на голову кепку. Кепка оказалась мала, и к тому же всё время сваливалась с головы Карадамова, поскольку он лежал, запрокинувшись, смотрел на небо, и в голове у него были одни незабудки.

Что почём

Каждому ничего, когда вначале отдавят ногу, а потом всё-таки свою с неё уберут. Было не так хорошо, но теперь лучше, поэтому не надо никогда танть зла и платить тем, чем не хотите, чтоб вам потом заплатили.

Карадамов этого не хотел понимать и старался чем-нибудь досадить при каждом подобном случае. Не понравится ему на базаре, что продают или что сколько стоит, скажет про весь базар. Не понравится в автобусе, кто как едет или кто что кому сказал, скажет на весь автобус.

Обычно в ответ ему ничего не говорят, только странно смотрят. Но раз на раз не приходится. В кафе, например, где не убрали посуду так, чтобы Карадамову сесть, запустили ему в стакан вилкой, разбив, и заставили заплатить. Накричали, набрали свидетелей, свистнули милиционеру, и что?

В молочной в сердцах хлопнули о прилавок кефир прямо на глазах у Карадамова, который он отказывался оплатить, и опять же свалили на Карадамова. Очередь, посудачив, не захотела его поддерживать, очень уж много времени он ей стоил и тем её досадил. В кассу, стоя, в другой раз, никак не мог попасть Карадамов со своим рваным рублём, потребовали вернуть в банк, а от них таких, де, не принимают. Карадамов сопротивлялся как мог, показывал на банкноте стёршееся число, но в том месте ничего, вдобавок к порыву, не хотели видеть, и оставался он при своём. Карадамов понял, что деньги сами по себе, ничего не стоят, что это какой-то химерический, мрачный собес, не ты их платишь - они тебя платят, и чем дороже ты стоишь, тем больше они за тебя возьмут. И Карадамов, слурев, бежал от магазина прочь, ему казалось, что кто-то большой, с бронзовой лысиной за ним торопится и хочет схватить, смять, скомкать, налепить себе на лоб как бумажку или, хохоча во весь рот, сжевать. Волоса Карадамова, разлетаясь, шуршали как деньги, и весь он был как растрёпанный кошелёк.

Вот что делает с человеком непонимание обстановки и нежелание знать, что почём.

Atelier

Газинбланкис побывал у Костоморева и принёс ему в ремонт часы. Тот посмотрел на часы Газинбланкиса и сказал, что тельер таких не бывает и не шёл бы тот со своими часами подальше.

Ни один мастер не падал с неба

Правксителев купил дирижабль, долго учился летать, полетел и больше не возвращался.

Две воронки

Мысли Коромыслова закручиваются в одну сторону, мысли Косторова во вторую. Каждый сидит себе напротив другого и думает, что головы обоих устроены одинаково и им легко будет поговорить. Открывают рты, но мысли одного закручиваются в одну сторону, другого - в другую.

Надутые

В'ыстигов и Пастил'ов сташили на железной дороге вместо мяса большой пузырь. И надулись.

Ручеёк

Взялись за руки. Первой парой подошли в загс, второй парой подошли в загс. Третьей парой подошли в загс. Четвертой парой. И всё щёлкали аппаратом, и что-то говорили о государстве, и что-то текло. Первой парой поехали к постаменту. Второй парой тоже поехали к постаменту. Третьей, четвёртой парой. Взявшись за руки, подходили и долго смотрели.

Петровский завод. Исторический памятник

В озере у самого выхода из воды штырь. Строили и забыли то самое место, куда надо воткнуть. Занесло его, затянуло, зарязло. Но ведь торчит. Что бы ещё так могло напоминать нам о прошлом?

Страшный суд

Манерову сундук поставили на самое видное место - под образа.

Манеров глянет - и вспомнит, и глаза его выворотятся наизнанку, и видит Манеров внутри, то, что не каждому дано видеть: день и суд. Хватится Манеров, заголосит, ногтями заскребёт, захохочет. Встрепенётся всё, всё в страхе замрёт, кровь встygнет в жилах от хлопанья и рыданий Манерова. Ночь, ходят мыши, скоро придёт конец, но так, видно, и не узнать, что в сундуке у Манерова.

Человек сам творец своего счастья (ещё один памятник)

Виндирмеров соорудил капкан. Задрал кверху ногу и так стоит, не зная, куда теперь её опустить.

Трудом и только трудом (и ещё один памятник)

Мухобоев положил камень. На этот камень ещё один камень. На тот ещё третий камень. Руки сверху углом сложил. Пирамида получилась у Мухобоева.

Малиновое безумие

Крячкин крикнул громко вниз, и Крячкина оборвали. Принесли стакан и громко по нему постучали костяшкой карандаша. "Бойтесь?" - спросили Крячкина сверху вниз. Крячкин приподнялся на носках и крикнул ещё раз громко. Принесли барабан и забили в него тупыми костяшками палок. "А теперь бойтесь?" Но Крячкина упорно поднимало на цыпочки, и Крячкин кричал. Тогда, не зная уже, что принести, принесли пугало и просто сбросили сверху вниз. Пугало покатилося, столкнутое, и, падая, боднуло Крячкина в лиловый кадык, - поднимаясь на цыпочки, он опять что-то своё кричал. Ни Крячкин, ни пугало не были освещены, и не было видно, что у них там внизу происходит.

Распределение

Плюнули под ноги и пошли. Не себе под ноги и не туда пошли. Маятник качается вверх, сидящие наверху оказываются внизу, коровы перестают доиться, и тяжесть вечера кажется неизбежно холодной.

Кардиограмм сидит на полу в углу, смотрит перед собой и, желая сосредоточиться, переносит свой центр тяжести на выщерблину в полу. Вместе с ним переносится и сам Кардиограмм.

Бизнес

Почём золотые дули, фиговые страусники и наплевательские значки?

Мухобоев выложил на стул две тарелки, расписанные под орех, две пепельницы в виде журавля и две петровские монеты с изображением Екатерины. К Мухобоеву тотчас подошли, стали расспрашивать и удивляться. В голове у Мухобоева закопошились планы, как дальше и как больше. К Мухобоеву приставлен глаз, два глаза - из своих и не из своих. Мотают. Изучают каждого - тех, кто подходит, и тех, кто не подходит. Сгрудившиеся тычут пальцем пепельницы, представляя, как об них гасить, вешают за дырочку тарелки и недоверчиво разглядывают две петровские монеты. Мухобоеву хорошо, ему есть, что делать, а вот Постумов уже который день никак не может достучаться из собственного туалета. Приходили люди и от Постумова всё унесли. Что теперь делать Постумову, привязанному к унитазу? Мухобоев торговал открытками с изображением Иосифа и голых баб. Так почему за это должен пострадать теперь Постумов?

Семь раз отмерь, один раз отрежь

Головоломов подбивал каблук. Не рассчитал и промахнулся.

Коварное невнимание шкафа

Открылся и закрываться не стал. Карадамов заставил дверцу стулом и на стул водрузил горшок с цветком. Теперь, когда надо в шкаф, приходится отодвигать и задвигать обратно. Кому такое надо?

Чувство собственного достоинства

Идя по тротуару, Картонов старается не уронить себя, не съехать в сторону, не натолкнуться на бордюр, не вывихнуться, не набрать воды, не удариться лицом, не сесть капитально в лужу, не замараться, не обпачкаться, не стать самому себе безмерно жалким.

В ночной тиши

Кораблёв приподнимает угол простыни. Осторожно пробует там, где застелено. Не видя ничего, опускает ногу тыльной стороной ступни, повёртывается,

занося весь корпус, протягивается ощупью вперёд, опускается, опершись рукой, и затихает. Делает выдох и, открыв глаза, смотрит, ничего не видя. Смотрит и чего-то ждёт. Распахнувшегося вдруг окна, привидения, зашуршавшей мыши и так влетевшей чьей-нибудь там души - посидеть, поговорить, померить платье. Кораблѣв ёжится, заворачивает угол простыни и стучит зубами.

Тихое ощущение мерзости

Подойдя к луже, тихо остановился Недогонов, не решаясь в неё ступить. Сколько их таких уже было на его пути?

Недалёкие люди

Пѣсьев и Коростылѣв заправляли всем, перекладывая материалы и людей, как шашки. И было у них посему всякого добра очень много.

К Пѣсьеву и Коростылѣву приходили каждый со своей нуждой - от мраморной плиты до радиатора и дранки. Всё рассчитали Пѣсьев и Коростылѣв - и кому чего, и с кого чего, и кого куда, и кого от кого, и кого с кем, - не рассчитали только, если никому ничего, то как. Недалеко пойдут Коростылѣв и Пѣсьев.

Неподдающиеся

Чувильдиеву надавили на ногу, приоткрывая дверь. Чувильдиев напрягся и дверь так и не пропустил.

Карманов заставил Молотилова купленной недавно стенкой, когда ставили её вместе и наподдал, но та не поддалась. Не пустил Молотилов.

Грохотов хотел давить на подоконнике насекомое, залетевшее через окно. И не мог. Это был клоп-черепашка. После него руки надо мыть, а воды нету.

Опрометчивая предосторожность

Косырев полез в пещеру обивать сосульки, взяв с собою всё, что в таких случаях необходимо. На него выползло существо, а ему некуда было лезаться: кругом-то сплошные стены.

Внутренний мир человека

Валентина, скособохась, шла за товаром, думая, что никто не видит. А Картонов стоял под фонарѣм и за ней наблюдал, по себе зная, тут что-нибудь да не так.

Игра

Расставляются фишки, достаются кубики из коробки, кубики кладутся на фишки и накрываются. Никто не должен смотреть. Никто не подглядывает. Все отворачиваются и, потихоньку собравшись, выходят, плотно притворив дверь.

Конвой

Идущие впереди сопровождают идущих сзади. Сначала в одну сторону, потом, взявшись за руки, чтоб не разбежаться, в другую. Меняются Те, кто был впереди, стал сзади. Но всё равно сопровождают те же. Так до следующей перемены. Опять, взявшись за руки, меняют позицию, и опять сопровождают они. Так и идут в обратную сторону, но в том же порядке, голова к голове, хвост к хвосту, плотно прижав уши. Разбредаться нельзя, и нельзя стучаться, никто не знает почему, но нельзя. Тяжесть вечера падает камнем и холодит затылок, ноги опускаются одновременно, руки поднимаются в такт с идущими впереди.

Не всё потеряно

Приставленному Сидорову ждаль бы у окна и не охать, так нет же, вынесли бутерброд. "Я на работе", - хочется сказать, но вовремя останавливается. Проводя взглядом, нацеливается в свой подъезд, поднимается на свой этаж, открывает дверь, зажигает свет в коридоре и жуёт в окно. Как важно вовремя не дать промашки.

Нельзя войти в одну реку дважды

В постели у Воротилова крошки. Встаёт, зажигает свет, вытряхивает и ложится. И кажется Воротилову, что, вытряхнутые, они запрыгивают обратно. Встаёт, зажигает свет и вытряхивает. Глупый всё-таки Воротилов, так можно не спать всю ночь.

Ночные страхи

В двенадцать часов раздаётся бой и какой-то шум. Меркантиноев приподнимается на подушке и, напрягаясь, замечает, что ничего не слышит. Дёргает головой, мотается, вскакивает, хватая себя за голову и кричит.

В двенадцать часов с половиной Меркантиноеву видится, что открывается дверь и никто не входит. Ноги сами собой подбираются от окна и весь он удавливается в боковину.

В двенадцать часов пятьдесят пять, зажёгши свет, Меркантиноев вдруг убеждается, что через пять минут будет снова двенадцать. Меркантиноеву ничего не остается делать от ужаса.

Бегущие по утрам

Бежали запыхавшись. Прислонились к стене передохнуть и побежали дальше. Эх, знать бы, кого ловили!

Непредсказуемое

К столбу прислонили Косоротова, дали подержаться за оторванный с одного края крепёж. Косоротов стоит, не качается, качается ветер и хрюстает, садит в окно.

Волонтаризм

Курица перестала подчиняться прихотям Картузова и нести яйца, и пришлось сварить. Картузов, правда, при этом сильно упал в глазах, но что оставалось делать? Каждый обязан совершать то, к чему предназначен. Будут хоть варёные яйца.

Оскорблённые и покинутые

Половодов покидал пожитки на трактор и отвалил. Кричали ему вслед, махали платками, дескать, мол, приезжай ещё. А чего приезжать-то, когда всё у них не по нём? Завернул за околицу, плюнул. И пошло трясти по ухабам.

Картёж

Ноги Гусева, красные и большие, на подушке у Фенефитьева перед самым носом. Фенефитьев, продрал глаза, долго смотрит, не желая понять, и наконец, примерившись, хватает Гусева зубами за край ступни. Гусев орёт и вскакивает, пытаясь содрать с Фенефитьева одеяло. Долго мечутся, Гусев - выдирая, Фенефитьев - не отдавая ноги Гусева и одеяла. Наконец сдаются, успокаиваются и ложатся снова - Фенефитьев к себе на подушку, Гусев к нему - валетом.

Заклинание

Если вам приснятся рыбы, с большими выпученными глазами и чешуёй, не верьте, ничему не верьте.

Подобье Пасхи. Крестный ход в уезде

Выкинутые на улицу повисли на проводах штаны и, как хоругви, висели до холодов.

Как важно ощутить себя частью

Сегодня был какой-то день, необычный день, все шумели, выходили на улицу, шли и шумели. Невозможно было понять, царя, что ли, свергли или водка продавалась теперь не с таким трудом. Вроде бы не с чего было галдеть. Твердохлёбов высунулся из окна, и ему показалось, что день был и впрямь такой, даже свежо показалось, гораздо свежей, чем всегда, играла музыка с этажей. И Твердохлёбов навернул на затылок штору, чтоб не просквозить. И смотрел, и дышал, и тянулся к людям.

Речевая практика

Баркармартурдарбургряев спросил: "В котором часу отходит транспорт на Гурьев?" Не ответили. Подошёл к одному - спросил. Подошёл к другому - спросил. Подошёл к третьему: - Эй, почему я могу знать, я туда был? и Баркармартурдарбургряев сам должен был теперь отвечать.

Хоть как-то

Заданевич поднял ногу, садясь в трамвай, но трамвай отошёл, захватив только ногу.

Заданевич пытался пристроиться хоть как-то рядом. И какое-то время ему это удалось.

Потом трамвай повернул, не захотел больше держать ногу и Заданевича, и те отстали.

Борьба за ведущее место

В душевой натолклось больше меры, и не стало хватать воды. Картонов попихнул Куропатова и занял его место. На затылок плеснулось, и слегка удалось омыть линию плечо - спина, линию бёдер не охватило. Картонов продвинулся ещё немного вперёд, и на полпятку обошёл Караванова. Налилось за шею. Руки оставались пониже спины. Персифонов мешал своим тузом. Только головой можно было подвинуть туз, но Картонов не мог в толчее опустить голову. Тут же обнаружилось сопротивление. Всем захотелось вперёд, и никто никого не хотел пропускать ни раньше, ни посредине. Антифонов заключил в объятия Моробоева, только бы не дать ему сделать шагу, Портофлев с Палисаловым бились одновременно обступить Косов'ова, но никто не хотел их пустить. Картонов перестал думать о линиях, стало не до того, Граблев совсем его заступил, и весь он оказался вдавленным в Граблева, а сзади напирал Филофактов и Жмеринов, и Кузовлёв, и Лабиринтов, тот вообще вылез из всех и завис руками и левой ногой. Картонов смотрел и думал: "Как же всё-таки нехорошо. Кто бы мог такое подумать про Лабиринтова?" Тут Филофактов ещё надавил Картонова, и Граблеву стало нечем дышать. Петифуров из последних сил лёг между Марафоновым и Косововым, но не продвинулся, плечо упёрлось в поясницу Миртова и застряло. Моробоев напрягся, на какое-то время освободившись от объятий Антифонова, но тот, не давая уйти, снова сгрёб Моробоева. В тяжёлой запыхавшейся тишине воды не стало и свет погас.

Самоуспокоение

Иезуитов Воскобойникову глаз подбил. Так, ни за что. Вечер был тяжёл, тяжело было сидеть, и всё время дёргалась рука у Иезуитова.

Авторитаризм

Фраза Караваева застряла в голове, и все, кто были вокруг, подтвердили, что это очень тяжело, когда Караваев говорит, не подумав.

Задумчивый Nature morte

Плюеву принесли поднос. На подносе чашку. Плюев, сидя, смотрел перед собой и не видел. Ветер нёс мимо облака. Но очень далеко нёс. Платан стоял, кидал пятна тени, и тарелка то исчезала, то появлялась снова, наполненная темнотой. Плюеву показалось, что принесли поднос, и он протянул к нему руку. Всю в пятнах тени.

Плюев сидел, опустьясь. Ветер нёс облака, платан кидал тени. По подносу каталась перевернутая чашка, вся в рёбрышках света и каплях дождя.

Необычайная острота ощущений

Бердников и Кряжкой бежали по гравию и чувствовали, что издают ногами забытый звук пережёвываемых кукурузных хлопьев.

По Сеньке и шапка

Макаев был на отмен уходчив, и, открываясь, обыкновенно не таился ни в чём.

Таким же был и картуз Макаева, позабываемый везде, выпячиваясь, где только можно.

В почётном карауле

Вестминстеров быстро оделся и вышел. Гоголев и Кумовьёв, ожидая Вестминстеров, попередавали звонки у всех выходящих дверей, и теперь Вестминстеров шёл между рядами стоящих.

К определению сущностей

1. К определению сущности мужчины:

Семёнов к подоконнику подвесил груз за пружинку.

Кто видел за этим занятием Семёнова?

Возвышение Иродионова:*

Иродионов ощутил себя Иисусом Христом, когда над самой головой его зажевала сено корова.

* не для каждого (можно поэтому и пропустить)

2. К определению сущности женщины:

Семёнов принёс из умывальника стакан и налил воды.
Куда и что налил в этот раз Семёнов?

*3. Что такое есть андрогин**:*

- 1) Семёнов Андрей, а отец его был Геннадий.
- 2) Семёнов - насильник, отец его - насильник, мать его - тоже насильник.
- 3) Семёнов открывает утром шкаф, и видит в нём только одну свою половину.

** опять не для каждого

4. Жучки и собачки:

Семёнов в коробочку складывает жучков, а дверь, когда идёт к мусоропроводу, закрывает на собачку.

5. Неандертальцы:

Семёнов открывает дверь: в его комнате стоит человек с дубиной.

6. Добровольный клистир:

Семёнов открывает рот и добровольно слушает, что говорит директор. Потом уходит.

7. Развитие человека:

Семёнов наклоняется и видит, что не достаёт до пола.

8. Будущее:

Не добудиться по утрам Семёнова.

Фобия

Косырев был бледен как смерть и плевался, глядя на мочащегося к стене.

Искусство общения

Караваев принёс язык Портомоеву, и они его разделили.

Теория относительности

В стране, где страусы марабу, неизвестно как оказались Метрополев и Константинов. Метрополеву показалось странным, что никто не гудит, а Константинов зажал уши от света. Плывущее мимо облако они приняли за диван, а реку, бывшую жёлтой, не признали за реку, Метрополев сказал, что он бы с ума сошёл, если бы такое увидел. Константинов кивнул, но не со всем согласился. Он считал, что увидеть такое можно, но жить! Метрополев подтвердил, согласившись с доводами Константинова, настаивая, однако, на том, что с ума всё же можно сойти. Константинов сказал - это уж кому как, а я вот не собираюсь.

Оба сидели на берегу, и в рассуждениях о том их всё более и более относило.

К А.П. Керн

Где-то бродит теперь одинокий классик?

Фата Моргана

Разуваев устроил такой кутёж, так продулся и так всем надоел, что англичанину ничего не оставалось, как заложить напоследок вуаль своей бабушки, в девичестве Морган.

Передержки

Каверзову, раздавая, не додали. Каверзов, настаивая, запустил подносом в посуду. Ему объяснили, что всё рассчитано и что теперь тем более никак нельзя. Каверзову это не показалось, Каверзов продолжал настаивать и, выходя из себя, перестал сдерживаться. Каверзова не могли остановить ни стоящие возле, ни те, что были внутри, ни даже те, что вышли из глубины потом, ему всё казалось неосновательным. Стали держать Каверзова, объяснять было ни к чему, Каверзов мотал головой, кусался, продолжая выходить из себя. Ничего не объясняя, всё продолжали держать Каверзова. Так было долго, его держали, а он мотал головой. Была суббота, день был отравленный. Совсем отравленный передержкой день.

Плановое ведение хозяйства

Каприфольев раздавил на столе таракана, клопа и большую муху. Потом, помыв руки, плотно прикрутил кран.

Нетерпение

Монастырёв поперхнулся, глядя в окно. Руки Карнизова были на уровне головы. Сам он ещё не вошёл, а уже занёс ногу. Монастырёв не смог удержаться и в нетерпении щёлкнул Карнизова.

Опустошённость

Философов лежал на бюро. Ящики были пусты и открыты.

Знание - сила

Раскрутив над головой бандуру, Фионов долго смотрел, куда ею попадёт. А узнав, никуда не смотря, бежал.

Дума (малороссийская быль)

Запустив руку в карман, Микитенко обнаружил в нём дулю. Коротун, глядя на карман Микитенки, решил, что тот прячет арбуз. И так стояли они, тарахась друг в друга, пыхтели в усы и думали каждый свою невесёлую крепкую думу.

Пример политической стойкости

Дёргая за штору, Монголов, оборвал карниз, и тот висел на одном гвозде. Это не мешало, однако, Монголову поливать цветы и проветривать комнату. "Никакие силы не заставят меня изменить себе", - заявил Монголов.

Пример политического застоя

Карманов лежал битый час без движения. Ничего ему было не нужно, ничего не просил. Глаза Карманова были прикрыты, рот приоткрыт, а руки лежали вверх одеяла.

Падение нравов

Философов тащил на себе чемодан - лифт не работал, чемодан испортили в аэропорту. И надо же было ему со своим чемоданом упасть, поскользнувшись на брошенной дынной корке при переходе к пятому этажу.

Вечное движение

Перейдя по бордюру лужу, Манеров вспомнил, что оставил дома портфель. Возвратившись с портфелем, он снова принялся переходить по бордюру лужу.

Смена власти

Красильников достал из брюк Капитонова его записную книжку, но не стал её держать у себя.

В коридорах и на окне

У стены вдоль толпились народ и на окне сидели. Анциферов стал в хвосте.

Ещё одно падение нравов

Дондеров и Дромадеров сели на лошадей. Лошади понесли, и оба упали.

Из тьмы

Под окном царапались. То ли бились, то ли пытались влезть. Мирмидонов не выдержал неопределённости, выскочил и на них закричал.

Приобщение

Португеев попросился в туалет. И очень вовремя. Не попросись он, Вардрюкин бы занял. А так Вардрюкин теперь стоит в общей очереди, как и все.

Я покажу вам Кузькину мать

Метрополев выражает свои ощущения всегда в избыточно острой форме, грозясь при этом что-то всем показать (если те захотят смотреть, теперь не как прежде).

Предположение

Головарёв засунул голову под душ и ошпарил голову. Видимо, как раз в этот момент прекращена была подача холодной воды, а горячая ещё продолжала течь. Может, сантехник Игорев подумал, что пора делать профилактику? Или у кого-нибудь наверху потекло, и позвали Игорева? А может, прорвало трубу внизу? А может, на улице? Или где-нибудь на водоводе? А может быть, экономят? Головарёву нелегко было с обваренной головой доискаться причины.

Перспективы

Капитонову Г.Х. в четверг на большой дороге пригрозили, что во вторник, встретив, отнимут часы. Нет бы уже и всё, и конец сомнениям Капитонова, а так ещё жди-пожди.

Идеал общественного устройства

Мохоеву навязались на голову Костюков, Картофелехиди и Мортиросов с чьей-то женой. Что было делать Мохоеву, чтобы их устроить? Костюкова нельзя с Мортиросовым, Картофелехиди нельзя с чужой женой, а тех, в свою очередь, опять же нельзя никак одного с другим. Тогда Мохоев отдельно определил Мортиросова, а Картофелехиди и Костюкова с чужой женой. И было так, как и быть должно: ни до кого никому из них не было дела.

Причины и последствия

Отходя ко сну, Караваев надевал пижаму, застёгивая её на все пуговицы, боялся простыть. Ложась в постель, тщательно укутывался, чтоб не раскрыться. Сны ему снились укутанные и душные. Он просыпался в поту и долго не мог понять, где он и что происходит. Тяжело мотал головой, но между тем и на завтра, отходя ко сну, неизменно надевал пижаму, застёгивая её на все пуговицы, а ложась, подтыкивал одеяло.

Неутолимые печали

Стоя на мосту, Фефелев машет флагом проходящим внизу поездам. Ему кажется, что так его заметят, поприветствуют. Но проезжают, и никому нет дела до машущего на мосту.

Дом, где разбиваются в сердцах

Триполев построил себе дом, и недостаточно приподнял притолоку. Фенефитьев, входя, стукнулся лбом и сказал, что он не будет больше бывать в этом доме. Гусев и Чемоданов прошли, а Монастырёв едва не размозжил себе череп. По этому поводу долго смеялись, а Монастырёва прозвали длинноголовым. С той поры оскорблённому Монастырёву не лежало к сердцу бывать в доме у Триполева, как, впрочем, и Фенефитьеву.

Без тормозов

Болдырев разошёлся. Ни остановить, ни слова вставить поперёк Болдырева. Рот открывают сказать и не могут. В который раз, и всё об одном и том же. Что-то у него да не так. Что-то испортилось там внутри у Болдырева.

Незадача

Вьяве или не вьяве (не мог он припомнить потом) Плясунов натолкнулся на стол. Как это могло с ним такое произойти? Как было можно на него натолкнуться? Этого бы он тоже не мог сказать. И хотя мысль его несколько прояснялась и всё теперь представлялось в несколько ином виде, он всё же не мог понять. Идучи мимо, трудно было вроде бы не заметить, но почему именно в тот момент надо было там оказаться? На этот вопрос трудно было ответить, предварительно не подумав. Плясунов долго тёр затылок, и что-то уже мерещилось ему как видимый и подходящий ответ, но всё же не хватало чего-то главного, какой-то связи. И связь эта никак не хотела прийти.

Символ веры

Бурдину прислали карася. И хотя то был не карась, а карп, к тому же вяленый, он, дурак, поверил. Развернул его, понюхал и умильно так ушипнул. Нет бы в глаза взглянуть и поскрести перо, тогда бы знал, кто перед ним. Но где там Бурдину до этих тонкостей. Он только завернул своего карпа, думая, что карась, и положил на стол. Стол у Бурдина заваленный. Чего там только нет. Всё, что не лень, к нему кладут. Теперь там и карп, которого принесли Бурдину как карася, а Бурдин поверил.

Подоплечное (акт веры*)

Петикантропов достал пиджак и отряхнул. Моль была внутри и вылетать не хотела. Петикантропов пихнул кулаки в карманы и потолок их там, чтоб ей было некуда деться. Не вылетала. Не выпячивалась. Петикантропов выворотил весь пиджак, всё, что могло и не могло поддаться выворачиванию. Пиджак перестал походить на самого себя. Но моль была внутри, она хорошо умела прятаться и притворяться. Петикантропов тогда вспорол все швы. Бритву достал и вспорол - он не привык сдаваться. И он нашёл её. В изъеденной сетчатой материи подоплёки. В полнейшей тишине, торжественно и не трепещущей рукой он сжёг её над газовой конфоркой.

* auto da fe'

Радости изобилия

Такая фанаберия, такой макияж, такие замысловатые выкрутасы, и всё это устроил Картофелехиди, хорошо бы ещё в день рождения, так нет же. Понавлёк всех, кого можно было собрать, и разошёлся. Долго гудели, долго кричали, не в силах остановиться, и стучали какой-то тяжестью в пол. Это Картофелехиди получил неожиданно премию и не знал, куда её деть.

Кому много дано, с того много

Чувильдиев Мартиросову передал большой чемодан и к нему пакет. В пакете что, не успел посмотреть Мартиросов, а чемодан раскрыл и не смог закрыть. Тяжело пришлось Мартиросову и неудобно. Идти надо было как-то несвойственно, скособоцась, и ногой поддерживать отваливающийся низ. Никто не мог помочь Мартиросову - содержимое чемодана никак нельзя было показать, приходилось всё одному, и чемодан, и пакет придерживать подбородком. Трудно бывает берущему, и, главное, не всё дано знать.

Постимпрессионизм

Принесли с кипятком стакан и поставили на письменный стол Латыгину. Латыгин, не глядя, писал и, размахавшись, стакан опрокинул локтем. Сначала он его долго вёл по столу, пока не дошёл до края. Стакан на локте Латыгина походил на трясущуюся курицу над червяком с хвостом в виде торчащей ложки. Но Латыгин ничего не слышал и не мог представить, ни как трясся стакан, ни как он выглядит, ни как опрокидывается. Он ощутил всё после всего, как говорится, уже постфактум, и впечатления его потому были несколько запоздалы.

В атмосфере морали

- Порок следует наказывать, - сказал себе Твердохлёбов, загоня под ногу блоху. Ей там нечем было дышать, и она задохнулась.

Обречённые

Сенцы и без того были узенькие-преузенькие, так что вдвоём ни разминуться, ни разойтись, а между тем Колдобинов занял почти всю их свободную половину, и, зажатые, оставались стоять Игнатов, Бербер-Молотилов, Хрусталёв, Крастерманц, Катапульты и Гарабурд'ин в ожидании, пока на них повалится покачнувшийся уже на ножках большой, трёхстворчатый шкаф.

Утопительный сезон (поиски бесконечности)

Принесли мостки, положили. Сначала поперёк, потом вдоль. Чтобы никто не мог заходить и плавать. Так, думали, пронесёт. А может, и ничего не думали, потому что между тем всё ходят, и всё в одно место, и тонут, и цифры растут, половодье цифр, и уже можно полагать, что никогда не кончится это и не начнётся другое. Заходя, погружаются в небытие, думая, что так и должно быть, захлёстывает их, захлёбывает, потопляет, и уже нет ни рук, ни ног, торчит что-то, непонятное что, и никому нету дела, что это, где и от чего торчит. Кому бы ещё придти и над чем подумать?

Ржа

По железу водил Караморов. Большой стеклянной плашкой скрёб, по железу. Так интересно у него получалось, так живо, такое в том было что-то знакомое, что хотелось куда-то бежать, кричать и плакать в полную грудь и, упав, выть и гавкать со ставшими вокруг собаками над чьей-нибудь распявшейся, неудавшей судьбой. Караморов скрёб и не понимал, до чего же тоскливо и безвыходно был этот звук.

Обобщение

В луже фонтана плавали недогрызки, мусорины и другая всякая дрянь, прибитая к борту волнами летящей сверху воды. Качалось и билось: и вылезти не могла и плыть на середину. "Так и мы", - подумал наклонившийся над бортом Пеперудов, выставив кверху зад.

Почём ваши сливы?

Расточая улыбку и чиркая зубы по стеклу ослепительного осеннего дня, бильярдные шары двух глаз Портомоева так и катались, так и бегали в пространстве двух прижатых друг к другу лотков.

Портомоев давно уже пробавляется плодами рук своих. И что оно стоит? Во что обходится ему? На этот вопрос не мог сразу ответить старинный его друг Сморгун, стоя и глядя на катающиеся шары. Что желалось тому Сморгуну, чего он хотел, глядя, больше, - плюнуть себе и пойти или подойти и стащить, перевернув? На этот вопрос он тоже не мог ответить. Тяжело, когда приходится выбирать. Хватающие руки были так неприятны, подцепляя одну за другой, так не хотели упустить и так торопились, как будто сидящий кто-то на дереве мог спрыгнуть и отогнать Портомоева от его судорожного мешка. Сморгуну, когда он подошёл, было противно, но он спросил, наклонясь, ему было интересно, - Почём ваши сливы? - спросил, и застенялся, и убрал глаза, и сделал вид, что его здесь нет, что его не стояло.

"Да, вот какая жизнь, кто бы мог подумать", - сказал он про себя, весь погрузясь в трамвай, проходивший мимо.

И сливы посыпались, и в шапку, подставленную Сморгуну, со стуком падающей корзины, и из мешка, посыпались, и ни о чём не спрашивая, и ничего не говоря, из судорожных рук. Глаза - бильярдные шары, расточивая улыбка, сияющий мутящий день - всё было, но было неразгаданное, неясное и без цены - и не было ни Портомоева, ни Сморгуна, были двое, распределяющие сливы.

"Каждому своё", - решил Сморгун, отходя от Портомоева с полной шапкой слив, - "Кто бы мог подумать", - и шёл, и было как-то ново на душе, словно проехалось через большой тоннель, и стало опять видно, но уже как-то не так, ярче и одревенело.

Что хорошо одному, нехорошо другому

"Я наплевать хотел, мне что!" - сказал выходящий за дверь Мамонтов. И так это было не к месту, так нездорово, что всем от чего-то стало не по себе.

Тяжести безответные

Обычно Вертугин не ложился спать после завтрака. А тут его так разморило, так развезло, так тяжело ему стало, что не хотелось продолжать день. Что же мог съесть Вертугин?

Если посмотреть вокруг

Болдырев пляшет под дудку Косоворотова, и вместе они так смотрятся на агитплощадке. Дроботов рядом стоит и хлопает, или делает только вид. Остальные все скучно сидят и тянутся каждый уйти. Но уходить некуда, пусто вокруг, не на что посмотреть.

Приобщение к бесконечности

Воздух гудел словно бы перед грозой или же перед тем, как всем вылететь в космос. Это Косоворотов открыл форточку, на улице было холодно, он не знал, что ему надеть перед тем как выйти.

Поиски повторения

Картонов встал. Картонову было невыносимо. В душном воздухе померещились то ли мухи, то ли чьи-то выветренные тела, было не разобрать, но их присутствие подавляло. Можно было лечь, уткнувшись носом в разбросанную на дороге прель. Можно было начать махать, пытаясь отогнать крутившихся перед носом. Но Картонов не мог, не в характере это было Картонова, он только глубоко и напряженно дышал, не понимая, что оно есть такое. Рядом стояло пустое ведро, на дне его шевелились, повторяя движение ходящих, тугие, бугристые капли. Лоб Картонова покрывался потом, повторяя фигурное естество фигурного дна.

Взаимное понимание

Караванов был прям, как верста. Он прямо сидел, и прямо ходил, и смотрел тоже прямо. Это давало ему право судить обо всём не пререкаемо, открыто, без подавления себя и самоуничужения. Крутящийся Обертонов был ему неприятен, напоминая съехавший с рельсов трамвай. Повисший на проводах столб.

Обертонов же, крутясь, хорошо понимал, для чего это нужно, и Караванов вызывал у него неодолимое ощущение надвигающейся плиты.

Вместе они походили на ищущего в голове - неподвижность и копошение.

Экзерсиз № 2

Красителей занёс ногу, занимаясь ай-ки-ду, и так остался на некое время, войдя в шкаф биоэнергией сдвинувшейся и застывшей воды. Силён Красителей в экзотическом своём выдвигении.

Крестоносы

Страстная пятница

Панорамов, раскидав руки в стороны, шёл навстречу Перевёртышеву, всё в нём дрожало и пело, и душа пьяна. Перевёртышев, войдя в руки Панорамова, поцеловал того нудиным поцелуем.

Вторник

Фигуровский занимал у Расстегаева денег до вторника, а уже среда.

Чистый четверг

Четверг был чист от всяческого добра. Мартиросов сидел один за запертой дверью и без ключа.

День недели шестой

Принесли козлы поправлять упавший на голову Спиридонова потолок и пошабашили.

Неужели когда-нибудь будет и

Воскресение

у Хромова?

*Christianismus - crucifix**

- Каждому дан свой крест.
- Мастурбатор не человек.
- Мартиросову нечего делать одному в квартире.
- Панорамову будет хуже.
- Хромову не везёт.
- Спиридонову незачем заирать голову и считать трещины на потолке.
- Принёсшее унести.

* догматы крестоносов

Светопреставление?

День был полон радости у Покотилова и купил кефир. Очереди как всегда не было, но как никогда был. Потом принесли что-то в бумажке, и это оказался журнал, который нельзя, оказывалось, показывать, потому что он не у каждого есть, могли позавидовать и себе прибрать, и ведь обычно не приносили, а на этот раз, ну ведь надо такому быть. Покотилова не смог перенести всего этого. Тяжко пришлось светлой радости светлого дня, по нему долго колокол брякал, по Покотилову, у соборной вечерни, такой маленький, совсем ни на что не похожий, то ли в склянку гремели, то ли били чем-то треснутым по железной доске. И понесли Покотилова вдоль и вдоль, и дальше, и долго ещё нести, потому денег нет, а в трамвай не пойдёшь с прахом. Трясётся на руках бледное покотилдовское лицо, глаза как горох,

и выщерблины от умученного бытия по всему пространству. губы сжатые как в промокашку. И всё жалкое, расстроенное, словно выдули волюнку до дна, сжали и положили в месте, где должен быть Покотиллов. Но, может, он встанет ещё, спросили, чего лежать? Лежать тоже не каждый может.

Старина и новизна

Князю бывшему Урусову предложили стул к одному месту, и ему очень трудно было отказать или что-нибудь возразить. Фенефитьев сыграл с ним эту дурную штуку у какого-то заморского старца на *soirée*. (Он почему-то куда-то ездил или же врал, что ездил. Ни Гусеву, ни Чемоданову не пришлось в голову проверять.) Потому так это и сохранялось в памяти как то, что имело место.

Блеф

Берберосов принёс с собой целую тысячу и положил на стол. Но никто не поверил Берберосову и даже не стал считать.

Магста

Маячил Коростырёв под окном у закрытого магазина, маячил, и нельзя было понять, ни что это за магазин, ни то, Коростырёв ли это вообще маячит.

Искуситель

Пужинав плотно, Горобурд`ов едва отошёл ко сну. И снились ему бычки в томате, и хрен в сметане, и большой, розовый чей-то бок. Сжимая зубами его, чтоб не упустить, Горобурдов кусал волосатую, твёрдую руку своего искусителя.

Бабье лето (paysanne)

Паутина висела на бороде смотрящего вдаль Махаева. Была осень, летели птицы на юг, в голове было так светло. Ровно осень и не начиналась. И как-то совсем легкомысленно чувствовал себя в этом лете Махаев. По-бабьи.

Природное

Млекопитающе чувствовал себя Караванов, помещённый в толпу. Затиснутый со всех сторон, он не мог повернуться. На голову капало от трясущегося сверху дождя, и зонтиками шибали то над ухом, то в темя, острыми, торчащими, распинающими край спицами зонтиков, словно ехали на велосипеде, вертя педали и оставаясь на месте. И так это казалось ненормальным и неестественным Караванову, идти и попадать под колёса, что хотелось выпрыгнуть из толпы и побегать по головам, как по лужам.

Основание суеты

Затыкач Кастанов подпихнул Ктиторова, и тот упал, как домино, на спину Моросва. Всё заходило, заёрзало, забеспокоилось, не могущее остановиться теперь. Не таково ли и начало всяческого движения, не зависящего от себя?

Коновод

Грохотов ударил по столу кулаком, и стол заржал под ним, повинуюсь.

Ветреник

Рожу Фарабундова перекосило, губа зашла, растянувшись за левый клык, а нос съехал на сторону, образовав передвинутое подобие носа. Это он так кричал на ветру и так было видно, что он кричал. Голос сносило куда-то, неизвестно куда, сам он себя не слышал, и не слышали стоящие на другой стороне, там только, где-то за холмом, ему видимо отзывалось. Сосны качались, река текла и, может быть, только где-то один раз споткнулась в своём промежуточном течении. Пустой получился, совсем пустяковый и зряшный крик.

Опять один Nature morte*

Капустные бабочки, прилетая, садились в лужу. Собака шла и наступила на бабочки.

* неживая природа

Тесно ли в Поднебесной?

Поёрзал Коронов, уминаясь на диван, оказалось, расталкивая сидевших. Вздвбливались и вслучивались тела, словно заходили по небу волны. Коронов перевернуто завис над занятым местом, из тумана всплыло навстречу чьё-то опрокинутое лицо. Может быть, не к себе Коронов попал, может, ошибся дверью? Может, не его это подлокотник, тогда чья же на нём голова?

Гороскоп

В високосном году всё так не везло Картузову. Но и не в високосном тоже. Что после этого означает вся эта гадательная ерунда, за которой Картузов хвост отстоял в переходе?

Варвары и филантропы

В телефон упал физиономией Горобурд`ов, расквасил себе нос, но так и не позвонил. Незачем было и пытаться, сказали, раз совсем дикарь. Из-за этого такой

был шум, такой гомон стоял, так всех достало и проняло, но никто при этом не пожалел Горобурдова, не принёс воды и не обмыл его, разбившегося лицом.

De Profundis - из глубины

Канторов пел светлым и большим постом. И всё было далеко от Канторова, далеко и мелко, только на дне в этом далеке, в долине, дрожали барашками матильдины букли кудрявых волос, ждущих его к обеду.

Испытание

Колупнул ногтем раковину, проверяя прочность эмали, Панорамов и отколол. И потому спрятал, заставил другими раковинами, чтоб не выдать. Чувство неловкости испытал Панорамов за плохую работу. Появится ли в другой раз желание отколупывать?

В тяжёлом вечере

Перфильев был бледен, сидя на табурете. Что было перед ним? Что было сзади? Что ждёт его? Мог ли всё это сказать Брызгов, перебирая в толстых пальцах захватанные листы старинной колоды?

Верность принципу

Патиссонов понял, что ему не уйти от надвигающегося Понурова. И он свернул. Где детские обещания идти всегда прямо? Где пыльные представления юности о прямыне? Может быть, Патиссонов вдруг изменил себе? Может, он отступился? Нет, он только лишь отступил, вот он сейчас свернёт, сейчас зайдёт сзади и поддаст Понурова в зад ногой.

Можно ли за всем уследить?

В левом углу правого глаза Хромова залепился москит. Едучи на велосипеде, он пялил глаза, чтобы уследить за тем, куда едет в сумерках Переборов - он один знал дорогу, Хромову она была незнакома, и он мог на что-нибудь наскочить или вконец потерять Переборова. По той же причине Переборов не мог ехать сзади, с тем, чтобы Хромов за ним поспевал, да и мошкеры в лицо Хромова от этого не стало бы меньше. Так вот можно ли за всем уследить?

Подмётки

Кому подбрасывал свои перемётные письма невидимый борец Хризостомов? В какие места он ходил, так, чтоб никто его там не видал и глаза его чтоб никого не видали? Куда носило его и ноги таскали его куда? Куда ступала стопа? Недовольного непонятностью окружающих? Сколько сапог истоптал? Сколько хлебов железных изъел, твердокаменных, не угрызимых, не поддающихся укушению?

Кто знает, кто видел? Кому теперь ремонтировать сапоги Хризостомова? Кому поставить на них нумерной пломбир? О том не знают, о том не ведают ни покаянные дни, ни переплётные ночи, ни хлебопёк Караваев, ни бутылочный мастер и ботиночный ремонтёр Пережлодов. Что же ставить на место сбитых его подковок? Какой такой сыромятный, невидимый миру и сиводушный ярлык? В какие его занести анналы, зачислить соединения и ряды? Кто он? Шеф-повар, беглец, закладыватель или же патриот? На этот вопрос мог бы ответить только Лопатов, переподмётчик и тайный разметки магент.

Действительное и кажущееся

Челюсть у Петифурова опускалась, когда он ел, и ходила туда и сюда. Это было так неприятно, что Маргаритов оставлял его есть всегда одного и, уходя, прикрывал плотно дверь, чтоб не слышать. Петифурову не было видно, чем занимается Маргаритов, ему казалось, что тот ест что-то своё, чего не хочет показывать Петифурову, от этого становилось так неприятно и гадко, что челюсть ходила и отвисала ещё сильнее. Хорошо, этого Маргаритов не видел.

В сослагательном наклонении

Грохотов, идя задумавшись, боднул головой столб. Этого бы не произошло, если бы столб не стоял на дороге и если б светил фонарь. А так Грохотов был вынужден смотреть себе под ноги и потому идти несколько наклонясь.

Naive

Ктиторов и Петухов поменялись местами, когда ехали в транспорте. Так им казалось, их меньше будут толкать: у Петухова широкая шляпа, у Ктиорова - широкий зад. Все ж стоявшие сзади переместились, сдвинутые Ктиоровым и Петуховым, и стали как были, только наоборот.

С обезьянами в клетке

Видел ли когда до того Твердохлёбов блоху, прыгающую в тарелке? А вот теперь каждый день. И от того такой тоскливой и ноющей казалась жизнь, такой неспособной, так хотелось уединиться. Но никто не приходил, никто не спасал Твердохлёбова, все словно давно привыкли и давно сами сидели по клеткам и не могли представить себе существования без блохи.

Неприятие

Зазвонили и не хотели убирать руку с кнопки. Кастанов давно не спал, всё слышал, но принципиально не пошёл открывать.

Полуправда

Мионов Рельёву открылся. В детстве он, играя в мяч, сильно ударил Грохотова по голове. И потому тот такой. Рельёв, хорошо зная Мионова, поверил только наполовину. Интересно, что ещё мог скрывать Мионов?

Условный рефлекс

Хробостову надоели всякие там ходящие под окном, и он громко стал выть при их приближении. Долгое время не могли понять, что это такое с Хробостовым, но потом привыкли.

Злодеи (древнегреческая трагедия в снах)

Подобрались один другого злее и хуже и, выглядывая из-за спин, пытались Гарольдова укусить. Гарольдову не надо было им поддаваться, надо было лишь делать вид, но он не сумел этого и был укушен, и был перепутанный, как Орфей, и бежал, оглядываясь, боясь остыть, а те оказывались сзади и, шипя, обвивались кольцами, делая из Гарольдова то ли Лаокоона, то ли Прометея прикованного. Гарольдов начинал ощущать себя бочкою Данайд.

Магия

Караванов ударил в бубен и закричал. Или это был голос Караванова, или только показалось, что бухнул, - лежал, обрушившись, не в силах подняться и непонятный, с чего упал.

Игра в лошадки

Тяжеловесный Холеров еле уселся сверху Молокобоева и ещё к тому же поёрзал, уминаясь. Молокобосву совсем стало не по себе, и глаза полезли на лоб. Но кто на это обращает внимание, кому до этого дело, когда игра? Нельзя упускать шанс, и Холеров, наконец уместившись, дёрнулся, дрыгнул ногой по заду Молокобоева и пошёл вперед.

Наверху

Было светло и смутно, как перед заходом солнца или началом зимы. Манеров никого не узнавал здесь, у всех были траурные, постные лица, словно они только что кого-то похоронили и теперь не знают ещё, что делать дальше. Манеров

почувствовал себя непривычно, ему казалось, что будет совсем не так. Он ждал увидеть кого-нибудь, идущего навстречу себе. Что кто-нибудь в белом подойдёт, объяснит, что делать, куда идти и как себя здесь вести. Ничего этого не произошло, всё было так, словно ровным счётом ничего не изменилось: все ждали Манерова, и вот он пришёл.

Летаргия

Плясунов подскочил во сне, ему показалось, что он спит и никак не может проснуться.

Раздвоение

Пение петуха напоминает рвание простыни, и оттого так тягостно, так безысходно в деревне Касторову, всё ненадёжно, рушится, трещит, предвещая день, солнце встаёт тупое и дебёлое, как пятка Хромова, и в голове туман, две явные половины - правая и левая, ни склеить, ни слатать.

Ностальгия по-настоящему

Ктиторов и Панирозов собрались в крокет. Сделав вид, что умеют.

Выбили в асфальте дыры и положили в них зелёного - мешочки, тряпочки, мишуру. Поставили бильярдные шары и стали ударять по ним киянкой. Получилось как-то не совсем то или совсем не то. Филозов сел судить. Он, правда, не знал, как это делать, но это его не смутило. И так играли они, долго и неинтересно, пока не стемнело и не надо было идти спать.

Ассоциативный ход

Гуляя с собакой, Химеров заметил Енотова, ризеншнауцер которого отчего-то лаил всю ночь, и так Химерову стало тошно, так зануло внутри, так загрызло, что захотелось бежать. Не дожидаясь своей собаки, подальше от ризеншнауцера, от того кошмара и от Енотова, у которого такой ризеншнауцер. Куда, однако, бежать Химерову и что его может ждать? Собака Химерова ещё не нашла себе места, ходит, нюхает, и Химеров тянется за ней, тыкается на верёвочке, как таракан, пучит глаза и не может уйти ни от себя, ни от своей собаки, ни от Енотова ризеншнауцера во всю ночь.

Сплошные удары судьбы

Варфоломеев, подставляя голову под дождь, не думал, что придётся распрощаться после этого с волосами. Так и сидел он унылый и без волос. Голова походила на барабан, по которому можно было ударять дальше.

Бессилие

Увертюру сыграли быстро. Быстрей, чем предполагалось. Теперь не знали, что делать дальше и что играть. Сидящие заёрзали, зазевали, раздалась хлопки, но как-то нерадостно, ничего уже не ожидая и не рассчитывая ни на что.

Плоскости

По крутому уступу еле шёл Караванов. Ему было плохо видно движущихся там внизу: склон заслонял щитом. И наклоняясь, желая увидеть, Караванов всё больше выдвигался и зависал - над кручей, над упёршимся в косягор камнем, над доской реки - сам при этом доска. Если бы Караванов мог всё это охватить взглядом сверху.

Страсти

Росомахой пробежал по чужому следу кривой Сигизмундов, сивый, весь в орденах, никто не остановил его, никому не показалось странным, и никто не заметил бешеного, неистребимого блеска в глазу. От накатившего ужаса зашатались берёзы, тронутые головой, зашуршало и булькнуло в дальнем болоте, и долго, с надсадой гукало по отвалам и с замшелых деревьев разносилось над спящим погостом уханье. Куда ж убежал Сигизмундов? За какой помахревший на ветру пенёк спрятался? Скрылся ли или торчит из откуда-нибудь надмогильным столбом и напоминает что? То ли памятник напоминает в заросшем лесу, то ли перевернутое крыло тарантаса, то ли себя самого в давнем не пережитом, торча лысым идолом на языческом хмуром юру? Вост и гнёт над ним - с желания ли перевернуть или так, оттого что всегда здесь выло. Только ли Сигизмундову одиноко и страшно в этом лесу, рыщущему по следу?

Тщета

Неприкаянно ходил Додоев вдоль забора, не находя вход. Могли забить, могли и не сделать вовсе. Несколько раз обошёл вокруг, несколько раз потыкался в одно и то же место и наконец пошёл прочь, так и не попав. Сам себе пошёл, заложив руки за спину.

Понимание

В тяжёлой тишине упало что-то. Хробостов подскочил, испугавшись, и так оставался сидеть, открыв рот и косясь. Пока упавшее низким звуком гремело, перекатываясь на гранях туда и сюда. Как мятник. Как большой, опрокинутый навзничь стакан, толкаемый чьей-то рукой. Хробостов не мог отвести глаз от пустого места. Не видел в нём ничего, но не мог. Страх не пускал. Словно то были большие, катящиеся камни, гудящие в провал натруженной и покатоной спиной. Нет, никак не мог оторваться Хробостов, не доглядев, недоразобравшись, не поняв до конца. Верблюд ли то из-за дивана горбами вылез или груши катились по полу, недозревшие, упавшие, сорванные в саду?

История не повторяется

Фанфаронов, сбившись, долго не находил пути, по которому ещё вчера ходил уверенно и сердито. Теперь и звон отзвонили, и закрыли всё, и машины уже никуда не идут. Как же попасть домой Фанфаронову? Грязно, темно и не разобрать, что там в дороге, что ждёт впереди.

Воздвижение

Вспомнили вечер. Барабанов принёс свечу и зажёл. Сидели. Вздыхали. И пламя её колебалось, каждый раз направляясь от того, кто это делал, в противоположную от него сторону.

Найти себя

Поросячий восторг вызвал у Паромова гусь. Он был длинный, с шеей, и шёл, наклонив её и шипя. Так же шёл в прошлой жизни верблюд Паромова.

Сопротивление

Косырева пихнули, подсаживая в трамвай. Словно он сам бы не мог войти. Досадно стало Косыреву, и он засопровтивлялся, стал поперёк, как будто и не в трамвай зашёл, а так себе шёл по бульвару и остановился перевести дух, посмотреть на другую сторону. С Косыревым разделались. Напиравшие не желали признать права Косырева на стояние, так и пихнули его, и под локти, и в спину, и по плечам, и наподдали. Косырева, подпиравшего, понесло теми, кого пытался он тшетно остановить, некогда было одумываться, некогда переводить дух и смотреть на ту сторону, некогда сопротивляться и не терять достоинства, некогда быть собой. И понесло его, и прижало к трамвайной перегородке всей грудью, всем телом, всей противящейся, неподатливой, неподдающейся душой. Вот бы где перевести дух Косыреву и в неудобстве ехать, но он не смог.

Новый доктор Фаустус

Чудовище засунуло в окно Панирозову своё мурло - огромное, одутловатое, с одышкой - и фыркнуло, по комнате, по потолку, по подоконнику расплевав всё накопившееся в себе, всё, с чем пришло оно к Панирозову. Панирозову стало гадко, он усилился закрыть окно, но оно не поддалось, ходимое ветром. Или показалось всё Панирозову, и никто к нему не приходил, никакой дьявол, или действительно был, но так и не доведя до конца всё задуманное? Противно было только Панирозову обтирать его собачьи плевки и запакoшенное окно.

В неведеньи

Опустив голову на руки, сидел Коронов, то ли спал, то ли так, спяна. Над головой его, словно бабочки, попархивали какие-то тени. То ли стружки мыслей, то ли курча вздыбленных хмелем волос. Ничего не знал погружённый в себя Коронов. Никаких сравнений, никаких эпитетов над головой.

Литературщина

- Ушедшего не жаль, - подумал Фанфаронов, провожая Китаева с глаз долой, постоянно последнее время наведывавшегося. Подумал, но не сказал.

Мироощущение

Волосы у Китаева росли не где попало, а в строго определённых местах. Поэтому ему доставляло особое удовольствие бриться, рассматривая себя. В зеркале отражалось проступавшее подбородком невидимое, лезла душа, и была она у Китаева красива и симметрична.

Тщетная предосторожность

Китаев укутывал своё сознание в шкаф, чтоб не выветрилось, и, чтоб не побило молю, тряс и дул на него ежедневно.

В поисках веры (эйкуменический этюд)

Химеров, помолясь, опустился на стул в изнеможении. Свеча горела под образами, на столе лежал ситный хлеб, и ему неважно было, кто он и что он. "Души праведных не знают преград," - подумал Химеров. Он уже сейчас готов был принять мусульманство или пожертвовать ещё чем-нибудь, провозгласить, сказать такое, чего никогда до этого не говорил.

В опасении гражданской войны

Махаевские живодёры прибежали душисть, но ошиблись дверью. Вот бы и всегда так.

Последствия и исключения

Стрепетов лысину свою почесал, поскрёб. Станет ли она у него после этого больше или волосы прорастут, стимулируемые почёсом? Кто может сказать, кто возьмётся ответить? Стрепетов потому и не знает, скрести ли ему её или нет.

Фатум

Мангуров и Возгарёв взошли на пьедестал и там остались, хотя и колеблемые. Катонов плевать хотел на них, на того и другого, ему, проходившему мимо, совсем не казалось всё это странным. В предначертаниях судьбы всегда видна бывает при рассмотрении ирония злого дня.

На пароме

В невидимом чаду пребывал с утра Моробоев, волокло его и тащило, и не мог он никак понять, что это с ним, какая-то неразбиваемая липкая мга, и он никого не видит, и его никто, и только машет на том берегу платком какая-то кажущаяся детской фигура.

Что будет дальше с Моробоевым, куда пристанет, куда приткнёт, и ткнёт ли вообще куда или так и оставит посреди, чтоб ни к тому ни к этому берегу? Двойственно ощущение Моробоева, двойствен и ответ на вопрос. Как оно всё повернется, кто знает?

Ограниченность провидения

Кольванов, сидя на табурете, раскачался уж больно и обломил то, на чём сидят. Странным показался Кольванову получившийся результат. Ладно бы, если б ножка сломалась или бы поперечина, а то самое что ни на есть прочное место. Трудно было такое предвидеть. Не всё, значит, можно предугадать.

Время и место

Плюхнулся, разбежавшись, в бассейн Фанеров, но не рассчитал силы тяжести и оказался сразу на дне. Хорошо ещё задом, а не другим чем. В другой раз и в другое время Маронову не так повезло. Маронов побежал и поскользнулся и не успел добежать, а то ещё неизвестно, чем бы ударился об это проклятое дно, плюхнувшись, каким таким местом?

Голубой период

В голубом Золотарёв был особо красив, в галстукe, подпиравшем кадык, так что тому не было куда и глотнуть, в сюртуке, обтягивавшем карманы, в новых штанах в дудочку со стрелочкой, идущей от самого низа живота к шиколоткам в носках, лиловых и с окантовкой, в жилетке, с бисеринами по бокам, ну, ещё много чего было на нём как голубого, так и неголубого, но в голубом Золотарёв был особо красив, смотрящийся, как на картинку Ван Гога. Кто бы мог сказать такое про Золотарёва, видя его в первый раз? Он был всегда представителен, и в других штанах, не в дудочку, и даже так, чтобы с поясом, и чтобы носки наружу и в перехват, и в шляпе, но всё это было не то по сравнению с голубым, в голубом Золотарёв был особо красив, прямо неотразим.

Сила воздействия

Киселёву принесли плакат, на котором была изображена фи́га с маслом, и показали. Киселёв не сразу сообразил, к чему призывала и от чего предостерегала фи́га. Озадаченный, он долго ходил, перебирая в уме возможное, а когда догадался, уже не мог забыть произведённого впечатления.

Принцип домино

Карманов прямо по уху задел Сифонова, неся доску. Сифонов, держась за ухо, не мог показать Карманову, куда её класть, и Карманов, не остановясь там, где надо было её положить, с ней прошёл.

Перераспределение ценностей

Сиротина Малоги́н, с протянутой рукой стоя на ветру, зарабатывал больше, чем барахло Моргу́н, копаясь на мусоре. Это показалось несправедливым барахлу Моргу́ну. Как это, он лазит в грязь, а Малоги́н стоит на углу, как киоск, в чистоте и штампуёт монету. Моргу́н подстерёг Малоги́на и обобрал.

Собрание редкостей

Картинно сидел, закинувшись на диване, Яхонтов, блестя глазами, как ожерельем. Всё в нём было приподнято и возбуждено. Ждал Картузова с водкой и Панирозова с балыком.

Опять незадача

Чувильдиеву показалось глупым тянуть каждый раз за верёвочку, чтобы открыть дверцу шкафа без ручки, и он её оборвал. Как же, однако, открывать её теперь дальше?

В поисках неизвестного

Не запихнуть было в чемодан всё, что хотел взять с собой Фараонов, и пришлось отложить чемодан. Что теперь делать, за что хвататься?

Закон отрицания

По закону Махао́нову было не жить, слишком много на себя принял Махао́нов. Но живёт. Видимо, это какое-то новое состояние Махао́нова, новое его качество.

На пределе

Палладинов надеялся быстро пробежать, незамеченно, но куда там в таких сапожищах. И себя забрызгал, и сидящих в кусте окатил. Никакой маскировки не получилось. Так и выскочили на просвет покричать. Ерунда вышла, никаких условий, приближенных к действительным боевым. Давно необходимо перевооружение.

Страдания

Косырев, нахмурясь, сидел над доской, строгая скамью. Доска была сырая, свежая и не строгалась. Сучки вылазили, волокна топорщились, вздымаемые против шерсти, а в обратную сторону всё скользило и не давалось под лезвие, не шло. Бросить бы Косыреву гиблое дело, плюнуть, дожидаться сухой доски, но невозможно, выхода нет. И дерёт Косырев по доске своё, скребёт, скрепясь, и страдает.

Вглядываясь в неизвестное

Коновалов упустил ведро с третьего этажа, которое подали ему на лебёдке, с цементом и не заметил, куда оно угодило. Стоял, вглядывался и ничего не мог разглядеть.

Оглашенные

Схватившись за руки, бежали по дороге Махоев, Копергов, Лизоев и ещё двое. За ними в том же порядке Разуваев, Пирогов и Кувертов. Куда они убегали? Земля ли рушилась под ногами или утащили у кого что и хотели укрыть? Или те вторые гнались за первыми? Была ли причина бежать? Они, наверное, сами не знали и сами не могли бы сказать.

Схватки

Караванов раскрыл окно, как раскрывают объятая, и вдохнул всей грудью. Но нечего было вдыхать. Небо было низкое, в тучах, и воздух весь выхлопной. Голова Караванова схватилась спазмом и зазвенела в ушах. Рука судорожно пошла ходить по раме окна, съехав до подоконника, и схватила доску в порыве её оторвать. Так надоело Караванову дышать всякой дрянью.

Образование и культура

Карандашов из пульверизатора разбрызгал не то, что нужно, и так пошёл, не заметив. Хоть бы кто-нибудь обратил внимание на Карандашова и что-нибудь бы ему сказал.

Плевки

Мартыросов подставил свою сильную руку переходящей улице даме. Наверное, для того, чтобы было ей на что опереться, падая в лужу. Дама, однако, не оперлась, и Мартыросов остался один под дождём, с подставленной рукой, обрызганный проходившим троллейбусом, без зонта. Постоял, постоял и плюнул.

Стеснение

Табун с собой привёл Колобородов, целый табун, сушая бестия, расселись и съели всё, и толстую рыбу в сметане, и овощи, и паштет, и запили вином. Кто не мог понять всего этого, кто возмущался больше других, так это Мороев, шипел и плевался в своём углу, задавленный севшими, ему не хватало стола, неловко было тянуться за головами и вилка попалась совсем не как у всех, сдавленная с двух сторон, не цепляла. "Как в магазине. Как на пиру у хищников. Пример социальной несправедливости," - думалось Мороеву, жуя помидор. Думалось, но не говорилось. К разрешению конфликта нужно было ещё дозреть.

Скрытые мотивации явного преследования

Бежал по дорожке трусцой Половодов, бежал и пел, вздох был глубокий, носом дышал и руки-ноги как шатуны. Всё в нём пело - душа, тело, мысли, внутренний мир и все жиры в нём и углеводы. Но тащилось что-то за ним, что-то сзади в хвосте, какая-то верёвочка, откуда взялась, что на ней? А дворник Припонов, не проспавшийся с вечера, не выспавшийся с утра, едва поспевавший, махая, пытаясь кричать, не могший дышать, и руки-ноги не шатуны, и не те в нём жиры и не те углеводы. Что же такого унёс с собой Половодов, что украл? Не цветы ли стоптал у поливавшего утром Припонова? Нет, шнурки на ногах Половодова показались Припонову чем-то похожими на пропавшие у него в прошлый четверг, и от старался теперь на бегу развязать их и выдернуть из ног Половодова.

Циклы: сев, попевание, сбор урожая

Посеяли девки лён. Махортов пришёл и всё выгоптал. Нечему было попевать, незачем было сеять.

Выехал в поле Дробов на своём тракторе-скакуне. Галки закричали, вороны заагукали, задрал голову кверху и потерялся Дробов от наехавшей вдруг тоски. Так захотелось всё бросить, махнуть куда-нибудь в Крым. И трактор заглох у Дробова, послушный железный конь своему седоку. В тот год ничего не посеял Дробов.

Переход

Кар`аморов на коротких ногах еле переваливает через бугры вывороченного Козырёвым пласта. Агротехник он не плохой, а ходить по полю не может. Какое уж тут занятие. Так, пустота одна.

Пожиёшь, что посеешь, - напоминание оптимистам

Раньше тыкались бабы крепкими своими задами в посев, чтоб кочаны были гладкие да тугие, а теперь-то чего им сеять своими задами? - сказал Бибунов, сельскохозяйственный сторожил, - разве что репу, да и то выйдет ли.

Бить или не бить (сбор урожая)

Все яблоки на деревьях Карташов покрал. Пришёл с Додоновым, напхал мешки и повёз. Видали его на базаре, как продавал. Так что нечего собирать, незачем и стараться. Что там осталось? Гнилое да порченное, падаль одна? Быть Карташову биту с Додоновым!

Плоды труда

Подцепили по дороге молоковоз, хотели проехаться на крючке. Но дырку пробили крючком и всё молоко на дорогу вылили.

Удовлетворение

Косовидов сидел напротив себя в зеркале, и так ему тепло и приятно было в своей компании, что никого не хотелось.

Опрометь

Всё побросали, спеша на пароход, Иезуитов и Кораблёв, но не успели. Что же случилось? К чему была вся эта суета? Часы стояли у них, проспали они или черт дёрнул их всё побросать?

Перемены в лице

Портрет Данилова Хромарёву не понравился, и он его порезал ножом. Теперь Данилов висит в золочёной раме вечно улыбающийся и раскосый, что-то татарское в нём, и прохожие, когда взглядывают на Данилова, Данилова-то в нём и не узнают.

Необорачиваемые капиталы

Помешавшись на ерунде, перебирая в карманах голь, Сидоров и Мозгов уже не могут остановиться и перекалдывают себе из одного в другой, словно зуд у них, словно чешется, и чем больше чешется, тем сильнее зуд.

Плешь № 2

Расчистили место и ничего не посадили на нём. Не пришло ли в голову что или ни на чём не сошлись?

Застойчивость

Увидев павлина в саду, Колобородов открыл глаза и уже почти не закрывал их во всё время стояния у окна.

Больные (о власти)

Костровотворов кашлянул громко с трибуны и разошёлся в чихе. Принесли воды и громко пожелали здоровья с первых рядов, задние не расслышали, звук не доходил, то ли микрофон хрипел, то ли не того ожидали, то ли сидели слишком уж далеко и не могли разобрать, чихал ли или говорил он им что.

Жалкое подобие онанизма

Свернувшись в кулачок, стояли примятые нераскрывшиеся бутоны в трёхлитровом немывом стеклянном баллоне.

Обзор

Здрав ноги, сидел в кресле Кивонов и смотрел перед собой. Перед ним стоял столик с журналом, на нём вазон с водой, дальше стена в обойную крапку и более ничего.

Что можно снизу

Головой повис на подоконнике Эдельвейсов, так показалось во всяком случае Косовидову снизу. Эдельвейсов висел, крича, и трудно было понять, как это ему удаётся не терять равновесия. Голова напрягалась, вращала глазами, открывался рот, и это кручение походило на плывущего по реке, на то, как если бы кто-то невидимый водил головой по краю, как водят змейкой молнии, опуская и поднимая её. Косовидов поднял руку, желая проверить, можно ли достать эту голову, и она вдруг остановилась, закутившись на одном месте и закрывши глаза.

Разложение

"Зачем я здесь?" - подумалось Караванову в тот момент, когда он присел на замызганный край стола в каком-то незнакомом ему притоне. Ничто не могло ответить на этот вопрос, всё валялось в полном изнеможении и распаде.

Похороны власти

Над гробом стояли Сидоров, Серпентинов, Катамаранов, Грублёв и Парубин. В гробу лежал диванный валик, круглый, в пупырышках, с палками, вставлявшимися в дырки в диване. На него можно было ещё облакачиваться, но уже не так надёжно и хорошо, как прежде. Стоящие нахмурили брови. Всему приходит своя черед. Есть время собирать, и есть время разбрасывать камни. Сидоров и Серпентинов подставили плечи и понесли, Катамаранов Грублёв и Парубин - за ними, зажимая глаза и носы платком.

Раздвоенный век (видение)

Перед глазами стоял раздвоившийся, разбежавшийся, расколовшийся на две половины мост через большую реку. По мосту шла корова и чесала спину. Рога её были наклонены, и Колобородов пытался махать перед ней красной тряпкой. Будет ли после этого напуганная корова давать молоко? Можно ли так поступать с животными?

Умиротворение

Клячин, подставляя спину Кувертову, возил его мирно, боясь трясти. У того был тяжёлый, большой, мозолистый, нагруженный долгим сидением зад. Возить такого надо было легко, не спеша, не вредя себе, не причиняя себе и ему неприятности.

Пасадовле

Кистепёров делал всегда два шага, пропуская идущих навстречу, потому что на один шаг его никогда не хватало ногами.

Клоунада

Камерунов показал нос Моробоеву, Моробоев обернулся, чтоб посмотреть, и ничего не увидел. Фокусник Камерунов.

Нездешнее

Фанерову приснился сон. Открывались и закрывались двери. Шли, раздевались, разучивали экосез, перед трюмо сидели в тальме, пели и медленно, едва заметно звучал рояль. Фанеров зажмурил глаза, втягивал в себя через ноздри воздух, внюхивался, наслаждался, ему казалось, что он совсем не он, что всё другое, что не здесь, придуманное, ненастоящее и сам он неизвестно где.

Назревающее подозрение

Кантемиров стал не в себе. Скомкав бумажку, он положил её на стол и принялся смотреть на неё как-то боком и подозрительно. Что мог изучать в ней Кантемиров? Гадал ли на судьбу, предвидел будущее или же так, оттого, что не знал, что с ней делать? Текли часы, взгляд Кантемирова не менялся, и заподозрили уже в нём что-то неуравновешенное. Махортов заглянул, Сиропов, Петухов, а Каратузов тот вообще сказал, что Кантемиров того.

Расчёт

Форточку Фантомов закрыл на карандаш, зашемив, чтоб не открывалась и не мешала думать. Из форточки летели мухи, комары, коты кричали, пели, лаяли собаки, шлёпали машины, кто-то сипел, переговаривались с балкона на балкон, звали снизу, отвечали, сверху капало и лило и было много всякой ерунды и паскудства. Всё это сильно мешало, поэтому Фантомов форточку и закрыл, но всё же на карандаш, чтоб не совсем закрыть и чем дышать оставалось, но чтоб и не так мешало. Просеянное через оставляемую щель, оно приглушалось сдавленное, прихлопнутое, как бы в кулак зажатое, и хоть мешало, но меньше.

Оборачивания

Косырев посмотрел на Бегемотова, и ему показалось, что не так тот одет. Что-то было в нём непривычное. И чтоб удостовериться, зажмурился, отвернулся, потом обернулся, открыл глаза. На этот раз он не увидел совсем Бегемотова, стоял кто-то другой с большим и выпученным лицом и в пристёгнутой сверху манишке. Бегемотова не было, как будто не стоял здесь до этого Бегемотов. Косырев посмотрел вокруг, опять закрыл глаза, отвернулся и подумал, а стоит ли их вообще открывать, может, и стоять так, думая, что перед ним Бегемотов, в конце концов, какая разница, кто и во что одет? У Косырева не успела мысль эта оформиться, как, оборотившись, он увидел опять Бегемотова, правда опять в чём-то неподходящем и несуразном, но решил всё же далее не продолжать.

Радение

Мрачный сидел Посудников, смотря тупо вдаль, считая овец в голове. Вчера был снег, их, наверное, завалило, а чабан как всегда напился.

Птица высокого полёта

Фетухов запудривал себе нос, - угораздило же войти в стекло, ладно бы ещё в первый раз и ладно бы ещё в дверь или в витрину, а то в окно.

Нетерпёж

Подбежав, схватил за косу Канторова Хризолитов. Гнусным тот ему казался и без косы, а с косой и того гнусней. Канторов оборотился и принялся объяснять Хризолитову, что нечего тут, что не те времена и всё теперь можно, и с косой, и без косы, и с повойником. "Я, если захочу, так и совсем обрею." "Лучше уж так", - завопил Хризолитов, - "Скорей бы уж", - и заключил всё это неудобнопроизносимую бранью.

Безответственность

Плюсну подогнул Хаверьев и пхнул ползущего еле-еле впереди Хартумова. Хартумов запыхтел, затрясся, но от этого не перестал ползти, не выпуская рук. Медленно, не спеша, чтобы не скользнуть, не съехать на заднего, на Хаверьева, тоже поневоле ползущего и ещё к тому же размахивающего плюсной.

Удача

Потянувшись к окну, Базальтов напрягся, закинул ногу и уже влез было, но вдруг поехал вместе с оторвавшимся жестяным подоконником. Хорошо ещё только с третьего этажа, а то б не собрать костей.

Направление

Каверзов, приподнявшись на носках, пытался поправить кирпич, выбившийся из кладки. Стукнул по нему молотком и завис в неудобном для себя положении - одной ногой и рукой уткнувшись о стенку, одной ногой с носком на доске и с рукой с молотком.

Отделение

Прохладитов, разбежавшись, прыгнул в песок. Сикоморов за ним, разбежавшись, тоже прыгнул и попал ногами прямо в дырки, оставленные ногами перед тем прыгнувшего Прохладитова. Так же сделал и Прохачёв, и за ним прыгнувшие Марумов и Балтухов, сразу двое. И один только Дромадеров прыгнул не так, как все, - одной ногой и не попал на место ног Прохладитова.

Тяжба

Ксенофонтов потянул к себе край простыни Кротонова. Тому не понравилось, и он на себя этот край простыни с силой дёрнул. Полетело всё - и Ксенофонтов, и одеяло, и подушка, и всё, что было в постели у Ксенофонтова. Тогда Ксенофонтов встал, подобрал одеяло, закрылся им и принялся говорить Кротонову всё, что взбрело на ум. Кротонов лежал отвернувшись, Кротонов демонстративно храпел, делая вид, что спит. Ксенофонтов, осердясь, захватил матрас Кротонова и всё, что

было на нём, скинул на пол. Поваленный, Кротонов вызывающе продолжал храпеть, делая вид, что спит.

Познание бесконечно

Томик за томиком открывал для себя Маркса Сороков. Открывал, обдувал и ставил на место.

Зов неизвестного

Кисонов осип, крича на ветер в сырую мглу. Никто не отзывался, никому не хотелось иметь дело с Кисоновым, кто его знает, кто его там разберёт, что за птица, ходит под окнами и кричит, то ли ветер пугает, то ли ищет кого, то ли зовёт. Одни только форточки, изогнувшись, слушали крики Кисонова, вспоминая старьевщиков, бутылочников, шарманку, старый, забытый из времени хлам.

Лучшее враг хорошего

Вляпался Забубёнов в дерьмо. Хотел как лучше, а вышло одно идиотство. Так всегда бывает, когда чего-то хотят. И сказал ему поэтому Половодов: "Ты, - сказал Половодов, - совсем не того, не понимаешь ты, Забубёнов, задачи дня." Это так действовало на Забубёнова, так ему стало не по себе, что он не смог сдерживаться, ляпнул, ну и вляпался ж, конечно, в дерьмо.

Трансцендент

Кратеров Карумову почему-то подставил ногу, и тот упал. Не специально ли подставил, не успел ли убрать, когда тот подходил, просто ли имел привычку ставить поперёк ноги или же длинные ноги имел, как-то в этом никому не пришло в голову разобраться. Сразу решили, что Кратеров негодяй. Перестали разговаривать с Кратеровым, перестали к нему подходить, обходить даже стали. А Кратеров сидел себе как сидел, словно ничего не изменилось и не произошло, и даже Карумов, который упал, словно не падал вовсе.

Романтика дальних странствий

Из окна виден флаг. Махает в замкнутой квартире Дронов своей простыней. Простыня у него в сиреневый цветочек и кажется издали бегущей по волнам.

Фазы луны

Плясунов закончил бдение, приподнялся, взглянул на часы и собрался. На работе вроде как Плясунова не ждали, никто не приходил, дверь с вечера не открывалась, в коридорах было пусто. Сев, Плясунов заснул. Потом пришли и

разбудили Плясунова. Плясунов протёр глаза, поднялся и, решив, что ночь, забегал, закричал вместе со всеми.

Всяк на своего Иуду

Скосоротило Моргулина Иоанна. То ли объелся какой чепухи, то ли так, скрючило вдруг, прежде чем к рукам прибраться. Ходит теперь Моргулин, ровно бес какой, весь поскривлённый. Говорят, за грехи язычные так с ним. Больно уж часто, видать, прикладывался устами к своему тугоухому. Чё шептал?

Имеющий слышать да слышит

Пастырь Валаам блял своё, стоя, с амвона. Сидящие же внизу были погружены в своё, озабочены с головой, и слова Валаамовы едва касались их слуха. Задёрнутая шторой висела иконой луна, каменно гудело внутри, и не было ничего, предвещающего многообразия. Лики висели на своих местах, вытянутые от усталости, привычно подьемля глаза и пучась. Колокол динькал, и нищие всем собором стояли вне.

Испуганный апостол

Возобладаев заключил пари с самим дьяволом, кто быстрее из них съест всё. Плетенёв скакал, поджариваемый на сковородке, и думал, когда ж наконец съедят. Не ели, нарочно тянули. Пугали, что ль?

Игра с огнём

Вытянул шею Пардусов и зашипел, изрыгаясь. Пламя и дым полетели, лопнул стакан в подстаканнике, вспыхнула синим проводка. Пришедшие к Туберозову наклонили головы, загордившись руками. Сам Туберозов стоял в углу за ширмой и жалел, что пригласил огневого Пардусова: нечем было гасить.

Самость

Подослав ковёр, Фанеров положился на него всем своим телом, распроставшись, словно на берегу. Вообразил над головой солнце, что пляж, и стало ему жарко и хорошо в неприбранной и холодной квартире.

Никто ему был не нужен, ничего могло не происходить, не меняться, и лучшего было не надо.

Сложности

Ктиторов размахивал руками и, размахивая, Понт`иферова задел за рукав. Рубаха у того была с обшлагом, и рука у Ктиторова заехала к Понтиферову в обшлаг. Так смешно от этого стало Понтиферову, так он смеялся, что Ктиторов, с

одной рукой в обшлаг Понтиферова, другой не знал, что и делать. Так и стояли они, держась, оба в одной рубаше, и так глупо смотрелись, сложенные один в другом, то ли бинокль, то ли балерина со своим партнёром, то ли два дурака, напяливающие вместе одно.

Дутое достижение

Борисов, стоя на углу, обдувался ветром, не заходя, не прижимаясь к стенке. Можно было подумать, что он проверяет в себе выносливость. Так и решил Квартиронов, проходя, и на того исподлобья глядя - "Экий Борисов, надо ж!" И только Ктигоров знал в действительности, в чём дело, но не сказал, только хмыкнул. Борисов, стоя на углу, не ведал, откуда дует.

Встреча с неведомым

Зуб у Карабонова выехал вперёд, он его поправил языком и продолжал жевать, как будто ничего не происходило. Между тем много было нового, чего не знал Карабонов, и от чего зубы так ходили, что их приходилось всё возвращать на место.

Плачевный результат однообразия

Вертелся Патиссонов всё время на одном месте, вертелся и провертелся. Теперь всякий раз скользит его на ровном, проворачивает, ходит он ногами, но не двигается, не переступает, как все, шаги делает, но не шагает.

Контрасты сознания и действительности

Сидел Кисонов и ковырял в носу.
Блёлк был горизонт и красен нос Кисонова.
Ставёров раскрывал сундук и, раскрывая, крышкой прихлопнул пальцы.
Бабка Ставёрова так никогда не делала.
Хавлеев в действительности был пьян, а думал, что нет.
Мумунов мучился в бреду, пот проступал, пижама липла к телу, весь он горел, волосы мокли, борода текла, а Карапузов сидел рядом совсем сухой.
Действительность была пуста, а чемодан полон. Что-то продавать привёз Холонов.
Тяжело повалился на диван Гармонов в лёгком помрачении разума.

Привоз

Где бы ни был Карманов, всегда привозил с собой что-нибудь на добрую память, и этой памяти было уже очень много. Куда бы ещё поехать Карманову?

Раздвоенность

Карумов испускал из себя дух, и дух был совсем не похож на Карумова, корчился и кривлялся, как какой-нибудь Карташов. Не понравилось это Карумову, но что теперь можно сделать?

Замкнутость

Пасту выдавил из тюбика Паровозов и замкнулся в себе, стиснув зубы и сосредоточившись: надо было сначала снизу вверх, потом слева направо и затем только вглубь.

Глядя открытыми глазами в прошлое

Открыл рот, как грот, Караванов и больше не закрывал.

Трагод (древнегреческий перевод)

Вытянув волосатые свои длинные и козлиные ноги, сидел Дрододомов на своём диване и пел, и было в этом его поющем сидении что-то такое щемящее, такое томительное, что трогало вить. Ксавеев, стоя возле, никак не мог сосредоточиться на своём, всё отвлекался и думал "Ну и козёл Дрододомов!"

Борьба противоположностей

Напрягшись, выскочил Инбернозов из скорлупы - то ли из автобуса, то ли из магазина, то ли в чемодан его кто запихал или тёмную комнату, не помнил Инбернозов, как он там оказался и кто его туда ткнул, не помнил и не сообразил, так выскочил уже или нет.

Почвы для размышлений

Кистепёров поскользнулся на шелухе и сел среди тротуара. Кому знак подавал таким странным образом Кистепёров?

Одеваясь, Горелов случайно запнул штаны и не мог теперь в них попасть и другой ногой. Правильно ли одевался Горелов?

Играя костяшками пальцев по клавишам, Махортов почему-то не извлекал звук.

Гамаюнов, складываясь, летел с пятого этажа. Надеялся ли он раскрыться или что другое было у него на уме?

За Гизонтовым смотрели сразу трое из трёх разных мест, когда он выходил. Почему такое значение придают Гизонтову?

Моев вместо унитазного лебеда уволок со стройки лебёдку. Перепутал Моев или лишь бы чего стащить?

Роман в стихах

Стефанов, сидя за столом, перекладывал бумаги. Писал на них и откладывал. Ручка бегала по столу, подчиняясь привычным движениям руки, выводя на них одно за другим. Писал ли он или делал вид, что пишет? В отбрасываемой тени было что-то сосредоточенное, некая отрешённость, словно, разговаривая с самим собой и не представляя ответа, он становился лучше и чище. Омытое светом лицо его пламенело и рделось, как у девицы. Какое богатое воображение у Стефанова, какой мефистофельский припрятанный блеск в глазах, бальзаковская взъерошенность, флюберовская трансцендентность! Самообман или пустые фантазии?

Неизреченное

Наганов пищал, надавливаемый и теснимый, наседало на него со всех сторон: Изивотов, руками упершись в грудь. Рубашкин, пихаясь и заводясь, Марзухин, закручиваясь где-то сбоку. Всё было страшно глупо, потому что давить и толкаться им вроде как было не с чего. Их тоже никуда не пустили дальше тамбура, как и Наганова. Им тоже, как и ему, должно было быть обидно. Все уехали, а они стоят, и неизвестно, когда уедут и что ещё дальше. Но между тем давили, толкались и, может, от того пищал надавливаемый и теснимый Наганов, колыхалось в нём что-то сказать, но в давке и толчее не выходило, вразумительное, наружу.

Преимущества первородства

В зиме Бонифасов совсем не страдал: на нём была шерсть и он совершенно не чувствовал холода. А Копытов - бедный Иаков, держащийся за пятку злодей, - куда тому себя деть, куда пойти, что надеть, замученному и задавленному в дефиците? Бонифасов проходит гоголем и даже не косит в сторону Копытова, что подсунет тому в воровском своём обаянии злодейский случай, какую такую шерсть? Не видать Копытову Бонифасова первородства.

Любовь и почтение (к размышлению о природе вещей)

Гертин не читал Гесиода. И Лукиана не читал, и Пань Э. Зато с кем никогда не расставался Гертин, про это как-то не принято говорить.

Перепутанный Орфей

Грузинов, стоя над ручьём, воображал, что опускает голову в Стикс. Замирали звуки, летящие с высоты, ноздри наполнялись томящим холодом вечности, душу шемило, не пуская вперёд, и весь он, собравшись, замкнувшись в себе, погружаясь в небытие, канул в Лету.

Стоящему на юру

Порубанный стоял на юру Малахеев, как обглоданная зайцами ветка, как изрытый ветрами столп, и всё в нём виденное было открыто и тяжело. Что привиделось самому Малахееву? Что смершилось в разворошённой, расползшейся и голой равнине, медленно уходящей в зыбучий песок, в тьму? Тени, лошади, сны, мор? Или тяжёлые шторы сокрытого и ему не хотят раскрыться? Малахеев распахивает бешмет, выпроставывает рубаху, садится на ягодицы и едет. Узнать ли что или надоело стоять? Кто ответит за Малахеева, кому дано больше его что знать?

Сухое и мокрое

Блефанул Мамунов, распустив слух, что женился. Не было такого. И не могло быть. Весь он скорчился давно, старый хрен, сжался в гармошку и не может уже ничего. Так и помрёт сухарём. Какое питание голодом! То ли дело у Феофанова, чего только не водится на столе, и за что только счастье такое у человека, и жена в теле и сам хорош, и обтекаем и влажен, и течёт и плывёт, и масляный весь, назовёт гостей, так и посадить будет некуда, всего полно, всем уставлено, разве что одного Мамунова нет, не заладилось у него с Мамуновым, прост. Не соединяется его сухое с тем мокрым.

Ерѣтѣмбѣи самим себе

Как были молодые, пели вместе, а как выросли - разбрелись, не поют. И настали после них тяжёлые времена.

Философов, Мордюков, Хитромордов, Расплюев, Швакин, Жигайло, Мухмин и другие (подписи далее неразборчивы и переходят на другой лист)

Притупление и наказание (философский умысел)

Над бочкой застыл Харамудров, не рискуя засунуться в неё головой, вдруг прикроют. А что было в ней, надо знать. Что продавали сегодня? Сельдей, капусту квашеную, арбузы? За чем так долго надо было стоять? И стоило ли? Харамудров наклоняется ниже. И вот уже нос его водит по краю, по самой кромке отмоченной сверху доски, словно в колодец заглядывает, боясь и желая прыгнуть (что в том колодце?), словно заворожённый смелостью зритель вытягивает шею на сцену, желая выскочить и одновременно страшась. И потянуло на Харамудрова из бочки таким знакомым и плесневелым, таким диогеновским непотребным желанием обходиться, пия только воду, ничего не желая себе и не прося, что Харамудров отходит, смирившись, поняв, наконец, сколь неразумны, сколь глупы в сем мире простые желания.

Необъяснимое

Квартиронов заорал. Диким голосом. Ладно б, если б на него упало что, или ладно, если б напугали. А то, ничего не произошло, ну ровным счётом. Просто Квартиронову захотелось вдруг заорать. С чего б?

Необходимая самооборона

Китаврасов задрал ногу, и оказалось, что он без одеяла, а было ему не холодно почему-то спать. Вот до чего развивает в себе защитные саморегуляции наш организм. Китаврасов как-то и не думал никогда об этом, а оно само.

Что раньше?

Выходя на улицу, Гомбоев заклеивал уши пластырем и проходил мимо всего глухая стена. Вернулось к Гомбоеву его такое невниманис или он такой стал, на него немой ответ, только не стало пластыря.

Выходя на улицу, чем теперь заклепать Гомбоеву, или не выходить?

Убитый вечер

Краски вечера были сгущены над головой Перумова, и его от того не видно. Были тяжело зашторены окна всей его трёхэтажной души, и ничего не вырывалось из них. Молчание. Паровоз его чувств спустил всю воду, и нечему было кипеть в котлах. Перумов то ли стоял, то ли сидел, невозможно было понять, всё в нём съехало и убито.

Постановления и положения

Тазик поставил на пол Паромов и положил в него ноги, вода поднялась и вылилась на паркет. Паромов долго смотрел на лужу, но вытереть её не мог. Нельзя прерывать процедуру.

Потери

Невеста Дравидова прибыла к обеду на следующий день. Что могло её так задержать? Погода, отсутствие транспорта, перекопанные пути, неподходящий день, нежелание показать готовность или кто-то ещё, такой же как Дравидов, и для неё не менее значимый? Теряется в догадках Дравидов и никогда уже, наверное, не определит, не найдёт себя, идёт он растерянно и не собравшись, и она идёт, едва держась за него немного в хвосте, немного ташась и тоже слегка теряясь. Разинями входят в подъезд, куда-то влекутся, на что-то там поднимаются, на какой-то этаж, восходят и уже где-то там растворяются, исчезают, окончательно не находя себя, не обретая, никто уж теперь не скажет про того же Дравидова "се человек", но "се место", теряется Дравидов из виду, то ли возносится, то ли меняет лик, то ли придавливают его, подкаблучника. Месеров открывает ему для выхода дверь, но

никто от этого не выходит из двери, только ветром пхнёт и шёпот, по головам и дальше, на улицу, за пустырь, за дома, и прядает где-то там в лужах. Совсем теперь не сыскать Дравидова.

Раскол

Градобоев смял бумаги лист, не успев на нём ничего написать. От бессилия сжал кулак и зашипел на стоящий бюст Феоктистова. Не помогал ему Феоктистов, корчил рожу и смеялся в душе. Разозлясь, Градобоев хватил по каменной физиономии попитром, поднятым со стола и расколочил. В обломках валялась черепная мраморная коробка учителя - половина её и отдельно кусочек массивного лба. Ни собрать, ни склеить теперь никогда лелеемый образ.

Былое и думы

Открылась дверь, и вошел Коновалов, сегодня у сестрицы праздник, и он принёс ей цветы. Когда в прошлом году было такое же, Коновалов не приходил. У Коновалова жила тогда экономка, вовремя готовившая ему обед. Цветы поставили на столе в вазу рядом с крушоном: в прозрачной посудине с ручками плавали фрукты, словно рыбы в чайнике, торчал длинный рукав ковша, и на улыбающемся сестрицыном лице были видны проступающие следы меланхолии. Коновалов сел, собрав по обычной своей привычке руки пониже пояса. Распрямял спину, развёл плечами, выпятил немного вперёд грудь. Было что-то лирическое, томное и ушедшее в вечере, ушедшее уже очень давно.

Замкнутость и открытость

Розгачёв рвал на себе волосы и шумел, хотя не очень-то получалось: волосы не рвались и шум как надо не выходил. Из Розгачёва вон рвалась наружу душа артиста, но, видимо, надорвалась. Всё было с ним как-то смутно и неестественно, невыразимо понять. Что хотел сказать Розгачёв своим криком, было ли что сказать, насколько богат был внутренний мир его, так равшийся теперь на свободу? Двери не запирались, но лестничная клетка оставалась пуста.

Никто не приходил слушать и аплодировать Розгачёву. одиночество - гибель артиста.

В предчувствовании катаклизм

Тревожимое в суете казалось непростительным Барабанову, неслыханно недостижимым, праздничным, в нём всё кипело и сходило, сталкивалось от ощущения надвигающейся беды, от того, что некто недостойный, не отмеченный поганно-чаянно коснётся и нарушит ход, и часы запнутся, останутся, сломаются и маятником либо раскрутившейся надорванной пружиной ударят и обязательно не по тому, кто тревожил.

Поэтому Барабанов прячет ключ в карман, выходит на дождь и идёт к реке. Чтобы там, стоя на мосту, подумать, бросить его из кармана в воду или бросится в воду вместе с ним, уносящим с собой мировую тайну.

Уроки истории

Каверзов распахнул дверь услужливо и входящего Котомова той дверью прицелил. нахотав ему в лицо что-то несусветно непередаваемое, своё неистребимое, какую-то тайную свою, томимую в себе паскудость. А потом обернул Котомова его шарфом поперёк и выгтер ему нос, водя туда-сюда и перекручивая (кто только надоумил Каверзова?).

Котомов плевался, кашлял и был очень зол на Каверзова. Стоявшие рядом, вышедшие из своих коммунальных комнат посмотреть соседи Котомова ничем не могли помочь ему - не понимали. Каверзов, пользуясь их смятением, всё продолжал и продолжал отирать Котомова, пока не надоело и не отпустил.

Демнург

Диванов плющил жесь, складывал и плющил, наваливаясь всем телом на руки. Ему было слишком тонко на нужный размер, а большего не было, ни здесь, ни на складе, ни в перекупке, и неоткуда было взять. Поэтому, наваливаясь, плющил, складывал и плющил, и опять складывал и плющил, получая нужное, создавая то, чего нет.

Небытие

Дорбидонтов открыл глаза и ничего не увидел. Где же он был?

За всё в ответе

Перед глазами у Хробостонова скакали пляшущие человечки и всё окрашивали в дурной какой-то цвет. Уж не убил ли кого-нибудь Хробостонов? А если не убил, то что же тогда наделал, чего натворил?

Интервью

Сикоморов Парумову чего-то в сердцах наговорил и оборвал, не захотев отвечать на вопросы. Так и остался Парумов в недоумении и при своём интересе.

Разрешение демонстрации и закрытый просмотр

Кардиограмму Калымову отказались показывать. Наверное, была не его? Тогда что же в ней такого нашли неудобного к обозрению?

Осознанная необходимость

Финомонов открыл окно выглянуть на простор. Простора не было, всё было загромождено и завалено кирпичом. Приехали строить, сбросили и ушли. "Когда придут, - подумал с тоской Финомонов, - пусть бы уж пришли и не уходили."

Человек-птица

Метания Турумова напоминалидвигающийся пароход: сначала в одну сторону, шлёпая крыльями, затем во вторую, пар, правда, при этом изо рта не валил, но весь он был запыхавшийся и белый между двух рукавов, то ли берега, то ли воды. Открывая клапан, Турумов при этом что-то булькотал и травил, но никому как-то не приходило в голову обратить внимание, даже если бы он, вытянув трубу, залудел.

Баня (загородный пейзаж в медитациях)

Хромов, обалдев от зноя, вылез наружу, на мокрую грязь, сел, прислонясь к углу, задрал голову вверх, смотря в разморжевшее небо, весь белый, ровно выпь в камышах, ровно пристывший к бугру волчина. И выть хотелось, и не было сил.

Кувайлов, выползя из духоты, стал в дверях и не закрывал их, зад поместя между притолокой и щеколдой. Хорошо бы было Кувайлову, разморело, и жизнь вспоминалась, и открывался простор, но саднило душу.

И Бидонов, выходя, отодвинул Кувайлова и пошлёпал в грязь, не разбирая дороги, как с похмелья, когда болит голова и совершенно уже всё равно, куда идти и что делать.

Понтиферов, не давая Кувайлову стать на место и поместить зад, закрыл за последним вышедшем на щеколду дверь и что-то своё при этом переживал и думал. Грызло ли его, сатанило или не всё вышло с паром, только холодно было ему, сидя в бане. Тоже бы волком выть да зубами лязгать.

Хромов, обалдевший от зноя и вылезший от него, сидел, прислонясь к углу. Стоял Кувайлов, не зная, куда себя деть, и Бидонов шлёпал по грязи, и каждый думал своё, и каждого что-то своё теснило.

Секрет его молодости

Каледин, нося фамилию, утверждал, что не он бунтовал мятеж и даже не его дальний родственник. Потому и удалось сохраниться.

Самобичевание

Маритимов сплюнул издали на лысину Кутюмова всю накопившуюся к нему злость и не попал. Может, не надо было так далеко стоять? Может, не от Кутюмова злость Маритимова? Может, на себя надо было раньше взглянуть и на себя плюнуть? Вот тогда бы и попал Маритимов. Стоит Маритимов и думает свою горькую думу.

Размышления у парадного подъезда (в классическом стиле)

Пищу для пересудов давал Пискунов, долго и устойчиво давал пищу. Пока не иссяк источник, не занесло песком ли забвенья, злобой ли дня, или всем этим вместе, только теперь словно и нет Пискунова, то ли забыли совсем, то ли совсем его съели и кто-нибудь другой, вместо него даёт такую же пищу больше и лучше.

Испытание на прочность

Мимозов, стоя на одной ноге, пытался зашнуровать туфлю другой. Ветер дул ему в спину, над головой мотало фонарь, в крышах лязгало, и был вой и гам. Но понимая и слыша всё, настойчиво, не оглядываясь, он шёл к своей цели и уже её настигал, как бы ни было тяжело, без поддержки, не облокачиваясь, одной ногой и держа ещё портфель подбородком.

Ставёр-постельничий

Столбухин ковёр постелил на пол и положил на него газету, селёдку и выпить. Было бы что поставить, - довольные объявили Столбухину два его закадычных приятеля, Филимонов и Трухачёв, поджимая под себя ноги, садясь, и сели. И весело им было и уютно на ковре столбухинском, пили и ели, и газета была, и было, что почитать, и чем занять вечер.

Большие манёвры

Квартиронов закричал в толпу, чтобы испугать. Но его не послушали и прошли себе дальше. Так и остался Квартиронов в хвосте, один и не пробившись к проходу.

Задача с тремя неизвестными

Меркантиноев и Кузовлёв вскочили одновременно, сев на горячую сковородку, правда, Кузовлёв несколько раньше Меркантиноева. Отчего бы это и какой это зад, интересно, у Меркантиноева?

Поворот

Плюханов Халапугову задание дал принести что-нибудь и обещал вступить с ним в долю. Халапугов принёс, но не видал уже Плюханова, куда-то исчез. Увели его или взяли с собой кто-нибудь в свою долю? Как оно всё бывает, как складывается всегда неожиданно!

Неузнаваемое

Плюхнулся на колени перед божьей матерью Косоротов что-то просить, но не рассчитал, промахнулся и оказался нос к носу с чужой незнакомой физиономией, такой и во сне не приснится. Кто бы это мог быть? Чьей такой, сощуренной, в щёлочку глаз?

“Утица”

Здрав ноги, лежал на койке Картузов, привязанный к грузу, и выводил какую-то долгую песнь. Уже и ушли все, а он всё пел.

Обновление

Столб покрасили. В столб всё упиралось, и его покрасили. Чтоб не смущал. Долго тягались из-за столба, куда его переставить, где ему быть. Потом показалось, больно крутой оборот принимает всё. Крутой и острый. И желая его обойти, и чтоб не раздражать (а может, и надоело о нём говорить), столб покрасили. Привинтили на него какой-то крючок, то ли вешать шляпу, то ли чтоб натягивать сетку, то ли так, чтоб было на память что, и покрасили, как и столб. Стоит он теперь, прямой и белый, и крючок на нём, словно выросший из него, совсем не отличный от общего (от столба), вроде бы как и был здесь.

Картинки прошлого

Браниславов, снимая картуз, кланялся сначала налево, потом направо и надевал картуз. Совсем как в старые времена.

В тисках закона

Разуваев стиснул руки и побожился, что он не брал и у него не брали. И Разуваева отпустили, поверив на слово. Когда б это ещё могло быть, не будь закона?

Ветер перемен

Плавно летели сдёргиваемые со своих мест листья тополя, падавшие Коморову прямо на грудь. Если бы всегда так плавно летело сдёргиваемое. Но, наверное, невозможно. Как невозможно понять, зачем Гамаюнову было взлезать на тополь. Зачем Коморов лежит под ним кверху грудью?

Всеобщее примирение

Раскрывши объятия друг другу навстречу, шли Философов и Картинов, Мехонтов и Возгарёв, Краватов, Тюхин, Епидефоров, Кузлёв. И непонятно было, сойдутся ли они когда-нибудь вместе. Слишком многим им предстояло оказаться в одной точке одновременно.

Дорогие воспоминания сердца

Парамонов открыл букварь и принялся читать по складам. Совсем как в детстве.

Сложный мир человека

Смеялся Возгарёв над собой, когда пускал утром холодный душ, не заходя под воду. Было в этом что-то строптивное, противящееся себе.

Незавершённость

Паусов, приоткрыв дверь, в неё заглянул и так остался стоять, не решаясь пойти дальше. Приглашал ли кто Паусова, но не до конца, не сказав, когда и к кому идти.

Прикосновение к вечности

Раскрыв ящик стола, Паусов долго стоял над ним, смотрясь, словно в зеркало. Отображение видел своё, себя восемнадцатилетнего, когда подарили ему этот стол и ящик в столе, и чем-то хотелось его загрузить, и загрузил его тогда Паусов? И теперь ещё, по сю пору, стоит над ним Паусов, наверно, всё в той же позе, и смотрится точно так же, и видит себя такого же.

Видения нового

Доломанов шёл по аллее, всей из деревьев, и кто-то пел из окна ему, мимо дома которого шёл, несвоим ему голосом. Что мог подумать Доломанов идя? Что он не здесь, не в этом месте и не в себе. Что вся страна ему земной шар, потому что всё, что видел вокруг, было таким не похожим на то, что видел всегда. Дома стояли подчёркнуто ровно и приглушённо были освещены, и не в развале дома, а словно себе на уме, и кирпич был ровен и тёмно-сер, с металлическим стальным прицветом и не косил подслеповатым выцветшим красным. И вся аллея была словно в тени, но в прозрачной, вырезанной, в просвет. Доломанов шёл, и на каждом углу, и на каждом проходе стояли урны, галочьего чугунного тона, и не были перевёрнуты, и сорочьими яйцами мерцали бока проходящих машин. Доломанову захотелось лететь, и люди, бывшие мимо, шли себе не спеша.

Откровение (апокалипсис)

Разухабистый, нёс Кривотворов всякую ерунду. Не было ему когда думать. Что не взбредёт, сразу спешит говорить - когда ещё дадут время? Открывая для себя собеседника, Кривотворов шёл за ним следом, всюду, куда и тот, пытаясь поспеть сказать, и не было ему в этом равных. Пихали ногой Кривотворова, затыкали рот, не давали слова. Но Кривотворов знал, что придёт такой день и никто его не остановит, некому будет остановить.

Последние веяния

Бизонов распетушился на днях. Выскочил на тротуар - и кричать, и топтать, и бить себя в грудь, и рвать одежду. Чего хотел с такой силой Бизонов? Чего

добивался? Никто бы не мог сказать. Но так принято в последнее время. Многие так поступают.

Чего нельзя никак понять

Язык прикусил Панирозов. Вместе с хлебом язык прикусил. И намазанный хреном.

Возможное и действительное

Филибонов и Дроздачёв разбежались и прыгнули. Вместе прыгнули. И не попали. Нет бы прыгать по одному. Мог при этом толкнуть один другого, один другого заступить, могли и не допрыгнуть вовсе, могли, толкаясь, лететь и тем уменьшить скорость падения, могли вообще один на другого упасть, зацепившись ногой один за другого, могли запутаться. Всё могло быть, могло быть всё хуже, чем действительно произошло. А так, только не сделали то, что должны были сделать. Всего лишь прыгнули и не попали.

Абстрагирование

Сатурнов поел. И оттого ему всё было тупо и бегло. Ни на чём подробном не мог останавливаться Сатурнов. И оттого проехал свою остановку. Не мог сойти. Время сплелось для него в один отвлечённый ком.

В руках судьбы

Распушившись, бежал по аллее Савельев, и тихо ему было и хорошо. На душе покой, и подпрыгивающее с каждым толчком ноги сердце походило внутри на шар, скачущий под чужими руками. Кто-то играл им, задумавши задушить. Кто-то вертел им, поворачивая туда и сюда и шлёпая по спине. Как мышью. Сам Савельев ничего при этом не понимал. Бежал по аллее, счастливый и радостный.

Оправдание

Сощурившись, сидел подозревающий всех Козоводов. И всегда был прав.

Трудная стезя взаимного понимания

Каторзов закрыл альбом. Дорогие сердцу воспоминания. Вот он в штанишках на празднике комтруда. Вот коммуной идут себе прямо, и он там. Вот любимый директор с закапанным подбородком. Чего открыл вдруг альбом Каторзов, чего вдруг решил ворошить? Хотел ли понять, ушло ли всё или что-то ещё осталось? Или просто было не по себе и хотелось вздохнуть прошедшего, которого не вернуть? У юности, говорят, есть притягательная прелесть. У каждой юности, и у юности Каторзова, отчего же и нет? Наверно, потому и погружается в альбом Каторзов.

Наверно, потому и затылок его так похож на демонстрацию, весь в людях. как в волосках.

Мудрость политики

Полотёров размазал по лицу совсем не то, что собирался, какой-то флакон - одеколон вместо пены, а может средство для роста бровей. Весь запутался в импорте Полотёров, весь обалдел, и уже не чувствует где что, и на нюх не чувствует, приносят кто что попало, сваливают, потом разбери. Хорошо ещё не своё лицо перемазал, чужое. и такое, которое разве поймёт, в чём что. Подумал себе Полотёров, посочувствовал, посопереживал и сделал как было, вроде как ничего и не произошло.

Все имеют свои пределы

Сазонтёв всегда прикидывался дураком (так ему было легче), но всё-таки он не засовывал голову в унитаз, садясь, однако ведь есть люди и лишённые чувства меры.

У себя дома

С подозрением открывал к себе дверь домой Флёров. Вдруг его кто-то ограбил уже или, не дай Бог, обыскал. И входя, затворял плотно, с нажимом, удостоверясь. И только тогда отходил от двери, стараясь к ней более не подходить. Мало что может случиться, вдруг придет кому в голову в дверь стрелять, вдруг так, шибанут чем похода и пробьют. Вдруг, на худой конец, разбежась, попробуют проломить. Потому не мог, никак не мог подходить к двери Флёров во всё время пребывания дома, сидел себе где-нибудь в углу, на диване, или ещё где, не выходя в коридор, не поддаваясь соблазну.

Испытание

Сверху закричали. Розгачёв вытянул голову из окна посмотреть и никого не увидел. Словно дразнили или проверяли на слух. Розгачёв отошёл и опять услышал тот же крик сверху. Но и в этот раз не было никого. Наверное, открывали форточку, кричали и закрывали снова, чтоб не простудиться. Розгачёв решил более не подходить. Крик повторился, и с новой силой. Кричали так, как если бы звали или требовали кого. Зывали ли к милосердию или просто делились невыразимым. Не мог понять Розгачёв. Не дано ему было понять. Кто-то испытывал терпение Розгачёва, кому-то очень хотелось вывести его из себя или просто увидеть. Розгачёв закрыл окно и задёрнул шторы, чтоб уменьшить звук. Может, и прав был Розгачёв, а может, он что-то терял при этом? Что-то непередаваемое своё, чему не дано повториться, чего не найдёт потом? Нет бы высунуться самому и закричать - громко, к небу и вызывающе. Кто знает, что бы могло случиться, как бы сложилась судьба, что бы она ему приготовила? Розгачёв закрывает окно, отходит и, заткнув уши руками, садится за письменный стол проверять счета.

Экзистенциализм

Меркантиноев открылся в своём иудинном поведении Карадамову. Когда над человеком витает призрак грядущего, он становится откровенным даже с неблизкими, ему есть, что терять. А над Меркантиновым призрак витал, большой и тяжёлый призрак, перенести который было ему нелегко. Проще было открыться кому угодно, хоть Карадамову, чем переносить.

Меркантиноев открылся, а Карадамов от ужаса захлопал глазами, забормотал и, чтоб облегчить мятушуюся душу Меркантиноева, в такое его поставил серьёзное положение, в такой критический переход, в такой кризис, что Меркантиноев вынужден был уйти. Откуда уйти? В чём открылся Меркантиноев? Какой призрак ему привиделся? - Этого не дано понять, это слишком сложно для понимания. Да это и не самое главное. Главное - что уйти.

Юбилейное

- Я,- сказал, открывая свои юбилейные торжества, Коростов, - хочу всех поздравить с праздником. Сегодня у меня такой день, что могу поздравить. Что же вам пожелать в этот день?

- Любви и радости, - прокричали.

- Радости и любви, - проговорил Коростов.

Открывались двери. Входили и выходили. Коростов всё говорил, стоя у стула. И всем было уже тяжело и надоело стоять и ждать конца того, что он говорил.

Возможно ли равенство?

Подовив корову, вытерла о фартук руки Маруфа и пошла себе прочь. С чувством совершённого долга. А корова осталась. Куда ей было идти?

Отрыв

Манякин сел мимо стула. Или он не помнил, где стоял стул, или его убрали перед Манякиным, или вообще ему не время было садиться? Стул был большой, тяжёлый, из дубового дерева, теперь таких нет. Может, ещё поэтому не смог сесть на него Манякин? Слишком был самонадеян, слишком на многое порассчитывал. Что всегда будет при нём поставленный ему стул и ему останется только опуститься на него своим задом. Тяжело теперь осознавать Манякину своё несоответствие. Всё в нем скопившееся готово прорваться и выплеснуться на этот отодвинувшийся ушедший стул, и он оборотился, встав, и плюнул зло вслед уходящему.

Потери от общественного движения

Перепопки лопнули у Паромова от гама, стоявшего на углу. Наверное, никогда Паромов такого не слышал. Говорили все хором и ни о чём. Чего-то требовали и кого-то просили сойти. Откуда только, Паромов так и не расслышал, плохо ему было без перепонок. Что раньше могло произойти - уйти ли кому

спокойно или от гама у Паромова должны были лопнуть его перепонки? Паромов мотал головой с балкона и бился ею в отчаянии о палку, подпиравшую козырёк.

Дефицит духовности

Наплевать бы с целую кружку, как это делают в Полинезии, только бы не стоять. Стояние унижает достоинство человека. Но не хватает душевных сил.

Опущение

Ларгусов опустил голову, заходя в дверь, но не смог. Промахнулся. То была совсем не та дверь, не в неё он входил обычно. Та дверь была выше, совсем не в той стороне и не в ту сторону открывалась. Это Ларгусов хорошо прочувствовал, не войдя. Запомнить бы в другой раз и больше не ошибиться. Потерев голову, Ларгусов снова её опустил попробовать ещё раз.

Амфибарий (рак' урс)

Плавая в собственном бассейне, Мазаринадов напоминал себе рыбу за праздничным столом. Всё есть и ничего не надо. И в рыбе по всему хребту сияет нетронутое перо.

Мазаринадов, развернувшись, поплыл, бороздя пространство стола. И не было ему на нём равных.

Все остальные рыбы были совсем другие.

Ныне отпущаеши

Чего только не привозили за последнее время и увозили. Никто не видел. Никому не дано было заглянуть в святая святых, тайная тайных. Кто может сказать, что там было, что перебивало там, куда ушло? Свет познания не проникал, вечный мрак и тени только причастных и причащающихся, идущие чередой, не было пусто им, не было тягостно.

Плавно текли они полные, исполненные благодати, посолонь и вспять, им встречу, и не сретались, и не обретались друг с другом, обходили, не узнавая. И присно. И вовеки веков. И аминь.

Числа

Мракову не хотелось жить, Мраков открывал для себя бесконечность, считая и пересчитывая. Сколько было всего. Иудейством пахло Мракову, первородным грехом, Авраамовым стадом и избиением младенцев.

Блед

На коне Вандуров едва держался. Засунув ногу в кольцо и взлезши, оставалось упасть. Куда несло его, чтоб сломать шею? Вандуров хватался за гриву, цеплялся за круп, несясь в апокалипсическое ничто. И страшно ему было и тяжело, словно не себя нёс и не собой был. Был ли это, однако, конь, и был ли на нём Вандуров? Или так только казалось в тяжёлой и пьяной ночи, раскидавшись по полу?

Свет новой веры

Вляпался же Фанфаронов, угораздило ж. Карташов поставил капкан на крыс и поймал Фанфаронова. И хотя тот чем-то и мог походить на крысу, в капкане, с вытаращенными глазами, с вытянутым в трубочку ртом, всё же он был не то. И так погано, так своеобразно было Фанфаронову в капкане, так заходило в нём всё, так жгло, что чувствовал он в себе зарождающееся новое ощущение. Перерождался он, становясь крысой, ощущая в себе силы быть ею.

Экзальтация

Висел на проводах Котомов, раскачиваясь ногами. И всё-то у него было - и квартира, и повышенная зарплата, и шкаф во всю стену, и дети в детском саду, только не знал он, как слезть ему, не оборвавшись.

Разъезд

Косил глазом одним Пирумов, одним на восток, а другим на запад. Откуда было взяться, однако, другому глазу?

Единство сил

Пропихнулся вперёд Хробостов, выставился и заговорил, чтоб видели только его, и, чтоб никого кроме него при этом не видели, всех отпихнул. Так и остался Хробостов сам на сам с собой говорить. Весело ему было.

Под руками

Раззуделось у Фанерозова плечо и размахался он. И чего только не намахал Фанерозов.

Ожегшись на молоке

Пастилу варил Коробанов и мешал лопаткой, и всё-таки пригорела. Отставил и начал дуть. Таз был не тот, не из того был сделан. Как было уследить? Этакое

дерьмо, экономия материалов! Что тогда говорить про страну, где всё не из того и не так?

Чувство жалости к ближнему

Фрукты навалил горой Пароходов и сел на них сверху и раздавил, и потекло, и весь в соке и мязге съезжал он с этой горы, полз по мере того, как вся она под ним проседалась, упрессовывалась, удавливалась, и он уже не мог держать ноги на весу, они упирались и ехали по давне, и весь он начинал теперь походить на то, на чём он сидел, и фруктовый Пароходов превращался в отброс. Жалко становилось смотреть на него. Жалко и больно до слёз.

В ударе

Филиппов открыл для себя дверь, и дверь не открылась. Что было делать? Оставалось бить головой. И разбежавшись, Филиппов ударил. И проломил. Голова оставалась, но была за дверью. Что было делать дальше Филиппову? Филиппов разбежался ногами, торча в двери, и протолкнулся дальше, и плечи вошли. Так постепенно, шаг за шагом, будучи в ударе, Филиппов входил к себе, каждый раз зная, что делать.

Зависимость

Подъезжая к остановке, Филиппов всегда боялся, что начнут входить и затолкнут, примнут и не на чем станет стоять. Приготавливаясь, Филиппов отодвигался и зависал. Но тут вдруг завыходили, и Филиппова из суеты и сумятицы вынесли на простор. Дышать было тяжело, но стоять можно, держась за дверцу, примкнув к стене, своими ногами, не зависая. Так хотелось Филиппову тут остаться. не вталкиваясь, так тянуло вон, но внесло, затолкло и смяло.

Филиппов всегда боялся подъезжать к остановке, а их было много ещё на пути.

Отклонение

Отдвигаясь, Коробов мог дышать. В противном случае трудно было. Бригадир сидел прямо против и дышал тоже прямо, так что Коробов легко мог представить, чем живёт бригадир. Но Коробов не хотел себе представлять, его тошнило от собственных проблем, и было невозможно. Сказать бригадиру прямо Коробов не находил в себе сил, поэтому он уклонялся.

Осуждение

Ливеров разбазаривал чужое добро. Правда, он не знал точно, где своё, где чужое, грань была не видна, и потому вдвойне, без знания положения, как было можно ему такое себе позволить?

Дроботов осуждал Ливерова, искренне, всей силой души, и, приходя к нему и у него принимаясь, не мог не высказывать ему осуждения.

Труды и дни

У всех в один день праздник, а у Физикова в другой. Физиков такой человек, не любящий повторений. Когда весь мир празднует, он работает, и наоборот, когда все работают, он отдыхает. Не может попасть всем в фазу Физиков, не может дудеть как все. У мусульман в пятницу воскресенье, у евреев в субботу пятница, а у Физикова в четверг. Так уж устроен Физиков. Отрывая день, он смотрит на календарь и высчитывает, от последней луны шесть солнц, значит можно себе позволить и выпить чашечку. На каждый день у Физикова не хватает, и вот, чтоб как-то выделить один от другого дни, Физиков работает, работает, а потом пьёт. Не станет же он каждый день пить ни с того ни с сего шоколад? Неладно будет и не запомнится. А так, всё как у людей: и похоже и не похоже, принцип есть, но свой, не совпадающий со всеми, не похожий на других принцип.

Монументализм

Косоворотов поступил к громилам. Морды бить. Порядок чтоб навести. Очень уж надоел ему беспорядок. Пусто, глухо, каждый своё норовит, и неизвестно где что, где свои, где - нет. А так всё ясно стало Косоворотову: те морды, что бьют, те свои, те ж, которые бьют, - те чужие. И так идя себе по знакомому, Косоворотов ощутил облегчение, душевный подъём, гуманизацию, Ренессанс. По человечеству можно понять Косоворотова: каждому хочется простоты, но вот исторически не обвинит ли потом Косоворотова в чём потомство? Не потребует ли потом от него чего?

Косоворотов не думает. Косоворотов опьянён естеством и мудростью простоты.

Пуантилизм

Расталкивая всех, бежал по проходу Кувертов, не останавливаясь ни перед кем, не смотря ни на кого. Вслед ему нёсся таким же беглым м'анером рыжий кобель в белую крапку, забрызганный Кувертовым из бетономешалки строительной грязью. Стоявшие пропускали Кувертова, обмаранного с головы до ног, не желая мараться. Кувертов бежал как по коридору, оставляя за собой след.

Неумелый и неумный Кувертов. И рыжий, вымызганный им кобель за ним.

Зачатки цивилизации

Положили асфальт. Сперва положили, потом придавили, как если б примяли гирей, катком на длинной железной палке, а перед этим толстой деревянной ступней.

Зачёрпывали лопатой с острым концом как с ножом, несли, кидали и снова зачёрпывали, словно хлебали его подгоревшую кашу и не могли расхлебать.

В лужах воды отражался вечер и фонари. Луна не плыла, загораживаемая заволочшимися облаками. Было тихо и сыро, от чёрной рези новой, мазаной под ногами грязи, по-бензиновому парно.

Уловление

Панайотов открыл секрет Филимонову. Большой секрет. Как ловить белугу на жмых. Теперь Филимонов сидит у реки пеликаном и ловит.

Субъективизм представлений

Антиноев распустил про себя слух, что он большой знаток игры в кости. Теперь все кости приносят только ему.

Дебатирование

Лякнул зубами над ухом у Калмыкова Меркантиноев. То ли ухо хотел откусить, то ли Калмыков ему не понравился своим выступлением. Тот говорил что-то про себя и ничего про Меркантиноева. И ляск этот, раздавшийся в наступившей после говорения тишине, всем показался зн'аком надвигавшихся перемен. Смирится ли Калмыков, оставит ли без внимания или в ответ тоже ляскнет? Это только и могло волновать умы, это только и волновало.

Новый иллюзион

Посудомоев стал перед витриной смотреть и ничего в ней не увидел. "Глаза бы мои не смотрели", - думал Посудомоев.

Возвращение блудного сына (мир искусства)

Провидец был Касторов: открывая дверь к себе на чердак, знал, что ничего там более не найдёт, всё, что было, давно унесли жившие здесь до него. Но так хотелось чего-нибудь, хоть какой-нибудь памяти о былом, о том, что могло хоть кому-нибудь не пригодиться. И не нашёл. Пустота была совершенной. Выписанной. Живописная пустота.

В коридорах власти

Что привёз с собой на тележке Картосов? Выстроились посмотреть, поднимались на щипочки, заглядывали через плечо, боясь подойти ближе и помешать Картосову, не понравиться ему. Картосов остановился, развернул тележку так, чтоб никто не видел, что в ней, какие коробки и что на них написано, не говоря про то, чтоб, не дай Бог, разглядеть. Отворотил всё привезённое лицом к стене и ушёл.

Стояли и улыбались, переминаясь, мялись, мягко и незатейливо - экий шутник Картосов, забавник и воротила.

Ночной пейзаж с ведром (флюоресцентной гуашью)

Осторожно приподнимается на носках Швырнёв достать перевернутую луну. Глаза его, покрытые блёстками, мерцают в нарисованной темноте и всем кажутся бегущими по полю зайцами.

Жутко всем, сидят и дрожат на отмеченном двумя бороздами берегу - ни броситься вплавь, ни уйти по пунктиром намеченной переходной доске. Доска обрывается за таким же намеченным дальше бугром, и бегущие ломают ногу. Ведром гремит по лугу наконец-то сброшенная палкой луна, и темно становится, совсем темно.

Швырнёв наклоняется над луной и плачет капельками росы.

Стоя на берегу, Колобородов пытается всех запомнить и всех невидимо записать в бювар - тяжёлое наследие прошлого.

Ночной пейзаж с кукушкой (малиновый звон)

Расположившись по роше, Каверзов видел всё: ветер, бухту и малиновый звон в виде шерящихся, звенящих на ветру старичков с длинными носами и подбородками - в пятнисто-полосатых одеждах.

Где находился Каверзов, где он мог сам оказаться, родись пораньше и так же наукував?

Всё перевёртывалось в понятиях Каверзова - что он мог знать, не видя той ночи, не слыша звона и старичков?

Вселение в душ (отткновение)

Картонов, открывая душ, затыкал его пальцем, чтобы не лил, и не заметил сам, как привык и втянулся. Так же и все. Начинают с разного, а кончают одним и тем же.

Обращение

Страхи гуляли по коридору, сея страхи, и всё пенилось, пучилось и заходило от страха, трясло зубами, и выпученные глаза походили на кадыки, открывались, закатывались, как глаза, и в них виделись западающие на клавишах души, как у рояля пальцы. Проходя коридором, Коромов смотрел, опустив под шляпу глаза, ему не было так не по себе, как стоящим, он только проходил коридором, не останавливаясь, не задерживаясь, как ветер, который, влетая фрамугой, так же в неё вылетал, унося с собой трупный запах страха, заражённый им, гнойный, и летел себе дальше, как Коромов, который заходил, выходил, чтобы завтра прийти, и, уходя, уносил с собой на одежде, в порах, в глазах, душе, теле ад леденящего душу страха. Уходя, унося, и проходя, унося, всё одно же, всё время с собой, в обращении.

Этюд статистический

Неотрывно смотрел перед собой Коробов, сляясь счесть пупырышки на клеёнке. Пупырышки мелькали и прыгали, не давая себя просчитать, не нравилось им, а может быть, не хотелось, и Коробову ничего другого не оставалось, как приплюсовать их к финикам, положенным на бумажке, лежащим ровно и не шевелящимся.

Надежда на будущее

Второй день ходил по болоту Пиронов в поисках сапога. Потерял он его, когда был здесь прошлую пятницу. Сапог был хороший, новый, с металлической по боку оковкой. Шуршали грязинки, собравшиеся у воды, чавкали слежалые, промокшие веками останки. Чего-чего только не было под ногой. Но не было сапога. И всё же Пиронов ищет. Хорошо, когда есть надежда, надежда греет, питает юношей и умирает последней, оставляя вид на будущее даже в сырости дня.

Сопrotивление

Отодвинувшись, оторвавшись от переборки всей задней силой, пхнул, остановив на время давившую немоту застрявший в проходе Омельев.

Хамелсон

В крапинку нарядился Паромов, в крапинку, чтоб незаметным быть на фоне двух идущих навстречу верблюдов с бархатными подбородками и кучерявой шевелюрой горбов.

Если бы Паромов сидел на них сверху, он бы, наверное, оборотился в мираж. А так, стоя внизу, надо было быть чем-то совсем иным.

Preciose'ы

Восторг вызвали у Паромова гусь с куропаткой. Гусь был в яблоках, а куропатка в саду, - забежала, сплывшая гоняемыми трубадурами. Паромов позволял себе иногда изысканно выразить подвернувшийся простецкий сюжет: остаётся выяснить, кто же они такие и что делают и почему, если гоняют, по полям бедную куропатку.

Антикварнат

Мандаринову подарили книжку. На ней была антилопа гну и ещё кто-то вымерший в прошлом веке. Мандаринов поставил её на полку и покрыл пылью. Что ископаемого в ней найдут потомки?

В согласии с миром

Снежок запорошил лицо лежащего к нему Питиримова, и Питиримов не стал его стряхивать, хотя и мог. И так, залепленный, и пошёл, не глядя, но видя, куда идти. Руки не надо было ему выставлять, чтоб не наткаться, ноги не надо было переставлять, чтоб идти, его несло, и не надо было идти.

Быстрее, выше, сильнее

Мороев раскручивал над собой на верёвке светильник, всё быстрее, быстрее, и всё дальше, и дальше, чтобы было видно всем, в самых дальних и глухих уголках, чтоб добрым словом поминали потом Мороева.

Потерянные в лесу

Отстав ото всех в лесу, Хоботов делал вид, будто собирает ягоды, хотя ягод он никаких не знал, разве что землянику, да и ту на картинке в каком-то из букварей. Все ушли по дрова на мороз, но ещё не стучали, пели, скрипя по насту, и скрип отдавался в сердце каждой несрубленной ели. Хоботов потоптался на месте, походил, сначала за ними, ушедшими, потом за деревьями, и от леса. Бежал Хоботов, как припугнутый заяц, забыв про ягоды, да и ягод тех не выдав, а вслед ему, из-за просеки, всё несло и несло удаляя песня.

Забутые имена

Плёт встал, всплыв из реки, как сёмга, как сиг, как лосось, гнувший к нерёсту спину, осетром над водой всколыхнувши. А рядом медленно в ванне купали ленивого, обомлевшего от жары сом'а. Усищи выпучивались, глазищи выкатывались, и весь он был гладкий, как поярок в мерлушчатой шапке. Плавали листья по каналу воды, было сухо и пасмурно на душе. Гордонов сидел и бил киём по плёнке, выплёскивал брызги, закатанный в полубархат с опушкой по углам, в каком-то неестественном полубомороке, с опущенною ногой по лодыжку в воду.

Мировождение

Сидел на лестничке Хенерозов - сладкий купырь, ему никогда не изменяло чувство весёлости, даже когда не располагало ничто, а не располагало часто; тяжёлыми показывались новые времена: побег с мест, подавливания, грабежи, и, сидя на лестничке, медленно опекался грузн'ой Хенерозов, всё более походя на купырь, хотя продолжал испытывать чувство весёлости, не могущей заслонить бытия.

Набежали вишапы, столпом стоящие, просквозились, прохрюстали, желая вытеснить в Хенерозове невывеснимое, и натолкнулись. Крепок был Хенерозов в своём, в нём бывшем. Не выколоченное его существо взгромоздилось, загустело и стало подобное сибирскому комарю, шоркая и тыча в кровь. Яростные гвоздики и вередимые сморчки вспузырились у нападающих. И это было невыносимо. Не выдерживающие отбегали, а новые наступающие наткнулись на них. Получившийся

перекос усиливался за счёт дребезжащих по ветру струн бившего сожаления, и, сжавшись и сдавшись, сникли и отступили.

Сидит купурь Хенерозов на лестничке, лелеющий утверждённый черёд, и всё более крепимым, всё более заединым обставляется в голове его исходное победившее чувство, всё более нерасторгнутым с существом. Между тем тучки-мучки привяливаются, принаряиваются, требуя по своё, мол, дескать, они не в последнюю дули скрипку и надо им тоже что.

Хенерозов же между тем, скреплённый выдержанным, делает совсем не тот вид, и купурится, и молчит, умея, когда не надо, припрятывать и весёлость, и то, за что, и многое, что мешает нормальному обращению в естество.

Не в этом ли состоит смысл обретаемого положения? - подумал Латыгин своё, обучаясь на ярком примере пресловутого Хенерозова.

Философический камень узюм (мировожделение, продолжение)

Не в этом ли состоит смысл обретаемого положения? - подумал Латыгин своё, постигая пример Хенерозова. Совокупляющееся ничто порождает тревожность, и от неё анархическая шаловливая хаось и пустество? Ничтожность рождает смысл свободного проявления и инстинктивно подталкивает кормящихся к забитью. Сладостные картины хренения смежаются оборением стла, и выходят самые неожиданные, никем не предсказываемые, сами собой, по мановению ли или так, и всякий, кто прикоснувшийся к бестревожимой сытой п'аюсни, остервенев, оборевает, не гляючи, любые исполинские пропасти, словно ничто. И ничто, опять появляющееся, порождает хаось и пустоту, и так в бесконечи, вплоть до являющихся, дробящихся, из мрамора и мармелада скал, показывающих себя неожиданно слабыми и никчёмными перед сладкостью разводимой бзы.

Развозюкав на пустоте свою острою, Латыгин почувствовал себя выше и, поднявшись, потому что не мнил сидеть, показался значительно заслужившим себе чего. Вынув банку припрятываемых инжир, распустил её, выплюхнув на подблюдник, и, лоя рукой, мазал и отправлял, мазал и отправлял мяклые, сквозькие на зубах брюхатины черевья семян.

Не припасённая, не учённая вобла сплახнулась вдруг за мироздавым гудким орлом, неизвестно откуда взявшимся и зависшим, с державною посупью мимо целенных глаз, лоя на кряк подцепившегося постоянства ещё одно попавшее на сладкое существо.

Латыгин жевал, не ведая, пропусаясь в себя, мечтая достать и мнящий, будто открылось ему сокрытое.

Парапсихология

Фенефитьев разваливается всё более на трёх подставленных стульях. Производимый над ним эксперимент никак не давался, не получалось вытянуть поперечный стул, чтобы Фенефитьев при этом не падал задом в наполненный горячей водою таз.

Уже в пятый раз бесплодно и тупо Карманов машет растопыренными руками, напрягая донельзя и без того крепкий лоб, а Латыгин, стоя за ширмочкой, всё хихикает и топорщится, уведённый, чтоб не мешал. Видимо, оттого и не получается ничего у Карманова, что Латыгин хихикает, и Карманов, озлясь, метает в Латыгина подворачивающимся блестящим шаром.

Положение Фенефитьева становится между тем всё более болезненным и неприятным, он тихо жалуется распоряжающемуся Карманову на неудобство и нищету. Карманов упорен и не желает сдаваться. Они пробуют ещё раз, немного сдвигая стулья. Фенефитьев чувствует, как что-то острое и большое впивается в положенный затылок, но, не желая мешать Карманову, молчит.

Сверху слышатся звуки играющего рояля. Капли падающих, срывающихся с петель сверчков, проникающих в мозг бегущими муравьями, переворачивающимися в нём всё, словно весь он не Фенефитьев, а лесная слежавшаяся подстилка, надвинутая бугром. Мысль эта делает невыносимым и без того набрякивающее положение, и Фенефитьев претит, не осмеливаясь, однако, сказать это вслух. "Не в этом ли сила кармановского воздействия?" - думается ему почти сквозь сон, прерывающийся в сотый раз убираемым стулом. Падающий в подставленный таз, Фенефитьев не возражает, потому ли что мокрое к мокрому, потому ли что, приучась, он приученно делает то, что в другое время наверняка бы не стал?

Искания в некуде

Бачариштмин сказал: "Будьте в себе, и я приду вас будить, и всё от вас улетучится, словно дым или пепел с дрв." (Приходящему не отказывают, приходящий кроток и бестелесен, в нём опадающие листья глаз шевелятся мышками и норушками под створожившимся кипятком разошедшихся горячений.)

Бачариштмин против весёлости и тоски, он привносит с собой несомнение, пустопорожность, оставленность, глеч, и поддающиеся ему становятся Персефонами, опускающимися добровольно в ад, чтобы никогда-никогда боле не всплыть наружу.

Но кто ж это выдержит, и стоящие вдоль витрин, хотя и поют, но чувствуют что-то совсем иное. "Быть в себе не большое искусство, но достижимое ли?" - подумалось Ктиторову при переходе на светофор, - "Это так просто и так изначально, но не этого требует окружающая сомнениями жизнь, но вот чего она требует, на этот вопрос вряд ли ответит какой-нибудь Бачариштмин."

И исполненный суетной правды, Ктиторов пошёл поверять сомнения Игумнову, лепящемуся к мормонам. Но и Игумнов, исполненный своей тихой правды, не мог разрешить ему всех их враз.

И так сидели они, то приближаясь, то, как им казалось, почти воплощаясь в бессуетную обнажённую истину на пути. Путь был тернист и долог, с колючками и шипём, по нему не ходил никто, оттого ли что некуда было идти, путь никуда не вёл, оттого ли что приходящие не разбирали засыпанной, затолчённой дороги.

И в гордости, что набрёл, Ктиторов уже подумал, не прилепиться ли и ему к чему, вот только неведомое оно было что, и ускользало, и не давалось вспрысть.

Завоздвижение

Переживания были бы не случайны, если б Латыгин тогда не привёл бобыля, отверезывающегося только по принятию следующей дозы. Бесконечность вхождений, как называл он эти свои приёмы, составляла предмет его небезосновательной гордости. Умение выгнать и втянуть могло бы соперничать с наименьшим разве умением Гусева не находить слов или чемодановским бесстрастным рассматриванием голых ног, если бы не один, но весомый ущерб,

поставленный ему в перебор, а именно - всторчка, что означает, когда набирает своё, ерошится и бьёт по лицу того, у кого вскормился.

Латыгин оттого и привёл его за собой, будто банный веник, чтоб как-нибудь показать, что бывают такие и посмеяться над Фенефитьевым, много думающим последнее время про неблагодарность и непорядочность.

Приходили все. Гусев сразу сказал, где такому место, а Чемоданов не стал и смотреть.

Отодвинули тяжёлый трёхногий диван, чтоб проверить, хватит ли ему лежащему места, потому что совестно показалось приведённого выгнать на двор, а принимать его в своё общество не хотелось.

Латыгин задумался над судьбой, над такими непредсказуемыми странностями и переворотами. Чемоданов был в этот вечер прям и сидел, растопырившись, словно Пифия на тренажерке, не изрекаясь и не гвоздя поминутно сквозящих мух подворачивающейся мельтеши, исходящей от Гусева. Фенефитьев замысливал отомстить, и это было видно по вздыбливаемому раскосому в щёлочках глаз лицу, становящемуся теймурадовским, может, таким и бывшим.

Стало не по себе Латыгину от недобывшихся скромных желаний, и он замылся весь, закоснел, став похожим на приведённого бобыля и положённого теперь за диван, за глухую невидную спинку, не пускающую к себе.

Pro et contra

"Кто ж бы это мог быть?" - задумался Мартиросов, дивясь ли себе самому или кому другому, захопнувшему его и теперь выходящему из двери вниз. Карусельные тени мотались в затуманенной голове, какие-то стозвонные перегуды отдавались, минуя тишь, будто по воде, на дне которой он находился, булькали и мутились багром. Открывшаяся занавеса выказывала ружьё - с грохотом застучали в раму. Потом поскребли о жёсть, царапаясь остро отращенными и скаменевшими в твердь ногтями, не чувствовавшими, по видимости, ничего.

Кто-то хотел напугать Мартиросова, кому-то не давала покоя его размеренная неколебимая жизнь, и Мартиросов натужился, встормошил, привскакивая и хрястясь, весь на пружинистых перескоках, весь мячиком, будто плёл, катясь, свою привычную колобковую плёвость.

Ночь ударила сверху, не давая опомниться, и Мартиросову, и другим, с ружьём стоящим, стало не видно глаз, и в невидимом попушении могло произойти самое непредвидимое, самое непростое.

На щыпочках подойдя к окну, Мартиросов схватил за ствол, и, вытянутое с прохлады, оно показалось ему большим, слишком большим для того, чем было. Рядом ли, на привязи ли, в пристяжке - валялось чучело самого Мартиросова в разодранных и неподдельных штанах.

"Кто ж бы это мог быть?" - снова задумался Мартиросов, спускаясь перед чучелом на колена и расправляя намятое и перепачканное лицо.

Поверху где-то бродили тени, пуская сиропные испещрения по себе. Привидевшиеся ли злочинители, пришедшие ли за чужим добром в располагающей низкой тьме, только подрагивающие розеточные сполоски были удивительно ёмки неслучайностью намекающих совпадений.

Мартиросов опустил на стул с куклой в руках и всхряп.

В открытые окна влом

В темноте было не видать. Открыли рот вздохнуть. Пошарили выключатель. Щёлкнули.

- Стойте, - сказали за спиной глухо и кашлянув, - не зажигайте.

Перепугавшись, остановились. Руки повисли кистями талой зари, не сомкнувшись с гравёрной клавишей.

"Почему же не зажигать?" - подумалось.

Но невозможно было додумывать. Отворотясь, постояли прижатые к стенке. Не шевелясь, не опуская руки, не поворачиваясь.

Кто-то большой и сильный ворошил за напряжённой спиной, что-то двигал, переставлял. Или может быть, выносил?

Фенефитьев, не выдержав, оборотился и увидел конец уходившего Мартиросова. Тепер ему было что вспоминать.

Говоримое по нужде

Когда говорил Паскудов, стояли молча и недвижимо, боясь пропустить, когда кончит.

Это был самый важный момент, самый животрепещущий и неожиданный. Самый что ни на есть.

Выслушав говорившего, отправлялись жрать. Паскудов сам к тому поощрял. Открытым сердцем, улыбчивыми глазами и разрядясь в проноса.

Эвгенез - благородство происхождения (вечер у Чемодянова)

На диване было мягко сидеть, уткнувшись задом. Мышиным горлом и тонким голосом залихватый Скоробоев что-то там выводил, и под музыку лившейся, как из посуды, струи приходилось, не слушая, брать всё подряд из салатников.

Для гостей накрывалось пиво, разливалось по длинным зелёным стаканам и пенилось, выходя из себя.

Глотки были мелки и шуплы. Потому что не каждому дано его жрать. Потому что пришедший должен почувствовать своё расстояние, от себя, не пившего, до Паскудова с этим пивом.

Новостью было всё. Сиреневые салфетки, берёзовые приборы, расквартированные по столу куверты a' la antique. И всё остальное, что было сверх.

На диване не шебурилось, не ныла спина, упёртая в мягкость пристав и складным казалось всё под стегном, не выдающимся, не выпирающим, не ткующим.

В ночи следы

Пардусов закричал, ему показалось, выскочил из-за куста человек. В вороватой тьме не понять было кто. Напуганный, медленным шагом запятлся себе в след, стараясь не наступать мимо: вдруг придут и поймут, что был здесь Пардусов, но дальше - куда девался? И обхитрив, с отдохнувшим сердцем, бегло уже, не пятясь, поспешил Пардусов к себе домой, думая про себя зловредно "Ищи следы!".

Портяч, или кооперативный бонза. Кто не умеет, чему научит?

Портил девок Горохов, собирал их возле себя, чтоб учить вышивать, но, не умея сам, не учил, только портил.

Старинное фото

Грохотов был в белом платье, и поэтому шёл, не касаясь перил. Всё в нём было насыщено светом, воздухом, упоительный аромат исходил от рук, но душевного тепла не хватало. И чего-то ещё в нём не было, что забыли пририсовать.

Видимое и действительное

Фетюков расположился на берегу, положив портфель под голову, и следил облака. Облако за облаком плыло, и каждое не походило одно на другое, в каждом была какая-то своя особенность, своя голь. Раскрыв рот Фетюков не хотел никуда идти, хорошо было здесь Фетюкову, такой необычный и радостный паноптикум, совсем не такой, как в жизни.

К пользе дела

Полосатов полежал, полежал, поплыл, полежал, полежал, поплыл и опять, чередуя движения, работая то так, то эдак, чтоб не устать, не захлебнуться, не утонуть и ещё чтобы было, что вспомнить.

Мирское

Фанфаронов открыл в себе мирседа. Вчера на рынке за курицу продавал петуха, а сегодня уже поедает всякий импорт. И так, и в консервных банках. Чего только и откуда не было у него на столе, и всего не съесть.

Абстракционизм

Заколосились поля и луга зацвели в перевёрнутом сознании Иноконтова. Не было ему места нигде со своими видениями.

Когда не пишет

Ручку взяв, потряс перо Изольдов, резко, с силой, словно собирался написать неизвестно что, чего никто не видал, и поразить мир, но мир был стар, видал уже многое, и потому скучно смотрел на его трясение. Изольдов подул на перо, подышал, чтоб писало, и написал какую-то ерунду, то ли дату получения, то ли подпись поставил.

Светлый путь

Свет от окна упал на стоявшего под окном Ивонова. А так бы никто не знал, что он под окном стоит. Лицо Ивонова облилось белёсиной, словно мазнул по нему кто из ведра не отряхнутой кистью и капли потекли подбородком и шеей и на костюм. Отпрянул от окна Ивонов, чтоб не знал никто, чтоб немного ещё постоять в тени, и не смог - свет был большой и ровный, яркий, как Млечный путь.

Куда же несёшься ты, дай ответ!

Не видал ничего под собой Колобородов, несясь: улица ли, пустырь ли, мусор летел под ногами, банки, разрыто ли было или начали зарывать, грязь, столкнушая и застывшая, мешала понять, что было, да и не до того Колобородову, чтоб разбирать, несущемуся поспеть. Издевательская ухмылка отходящего транспорта, словно тень умершего ненавистника, приходящего мучить, мешала видеть и понимать. Оторвётся ли когда-нибудь от этой жизни Колобородов, сможет ли открыть на неё глаза, поймёт ли, где он и что с ним? Пока же несётся, ничего под собой не видя, не разбирая дороги, за собой ли самим едущим, за другим ли чем, - не знает на то ответ Колобородов и не думает отвечать.

Долгие радости короткого знакомства

Маритимов раскрыл букварь, потыкала пальцами, нащел знакомую букву, и заикал от радости. Маритимов вполне нормальный был человек.

Уходящему в никуда

Загулявшись, Пристонов не пошёл домой. Не потому что был зол или осерчал вдруг на дом, нет, Пристонову просто казалось, ещё не время, не из чего поднимать шум, всё уляжется, образуется и Пристонов ещё придёт.

Преследование единства

Сизов с Поводырёвым выскочили на угол и замахали враз - улететь ли хотели, ловили ль кого невидимого и, боясь упустить, махали оба, или же знаки подавали кому-то стоящему на другой стороне, про то известно было только Сизову с Поводырёвым, да и то если оба преследовали одну общую цель.

Открытие мира

Карадамов покрыл плесенью в своём холодильнике - теперь уже сам не может восстановить, помидоры или арбузы, - и лежащее в банке напоминает ему почему-то живучую фразу "Поэт - эхо мира". Может, оттого, что свернувшееся в творог, отделившись от сыворотки, походит на распадающийся на тяжёлое и лёгкое хаос? Может оттого, что сам Карадамов, никогда не быв лютым, если закричит в баллон, услышит оттуда эхо? Может, от другой какой-то невыразимой причины, но

Карадамову нравится, открывая всякий раз холодильник, видеть у себя в нём свернувшееся клубком повторение мира. И Карадамов возвышается вместе с ним, открывая это.

Силы действия и противодействия

Выбился в людях Сизов, вышел вперёд и закричал, как будто давим был более всех других. И неловко стало стоящим, и они его пропускали, и чем далее вперёд проходил Сизов, тем сильнее кричал, тем всё более неловко становилось стоящим, тем всё далее они его пропускали.

Ходьба по утрам

Влкомый поутру вставал Титяев и шёл. Сам не знал куда, немотивированный и влкомый.

Невоздержанность

Курепов в зиме захотел вдруг груш. Смертельно захотел. И умер.

Произвол

Ехидством занимается Петухов. Собирает толпу зевак и говорит им про переустройство мира. Раньше нельзя было таким, как Петухов, говорить, а теперь вот дают. Собирающиеся слушают, не дышат, думают, что всё можно.

Отзывчивость

Физиков распустил вокруг себя слух о невероятных возможностях человека. И все приходили и спрашивали у Физикова, а что же он может, и просили его показать.

Источник знаний

Гастрономов выложил на стол рост-биф. Хризолитов не был знаком с Гастрономовым, и потому не знал про пулярку на вертеле, про мозги в горошек и ещё про многое, что в сметане.

Меняющийся мир

Мальтусов собирал у себя людей и показывал за деньги им балаган. Там были карлики и бусы. Большие карлики, с коралловыми красными зубами, и бусы в крошку. Мальтусов открывал ящик и из него выволакивалось всё это, перемешивалось и составляло пару - карлики и бусы. И в этой выволакивающейся

толчее нельзя было понять, кто у кого что украл, кто карлик и где кораллы, и трудно было произнести всё сразу, и сказать скороговоркой, что же было, в чём собственно состояла новость дня.

Агитпроп

Тяжело одутловатый Грабов воодрузил свой зад на скамей. Плетённый приставленный у стенки стул остался незамеченным и потому нетронутым двумя его большими половинами расколовшегося при воодружении шара. Грабов сел на видном месте. Видный мужчина в видном своём пиджаке. Не то что Плюкин, угло убравшийся за Сазонгьевым и не показывавшийся из-за него, даже когда кричали что-нибудь вызывавшее оживление и вставание в зале. Даже когда, разгорячившись, Пилонов замахал рукой и, не удержась, упал со ступенчатой трибуны, все встали посмотреть, куда упал, даже тогда Плюкина не было видно.

Кто не поёт весной

Весеннею порой вышел Карманов на балкон без одесла и застудил бронхит. Потому и не поёт.

Бесконечная радость познания

Форонов открыл бутылку, погрузился в неё, и думалось ему, что ничего не должно быть такого, что было бы ему неизвестно. Но в том и познавательная сила: тянет, открывает - и внемлещь.

У последней черты

Что-то померещилось стоящему у края черты Молозеву, что-то знакомое, о чём говорили, о чём предупреждали, от чего хотели предотвратить. И кинуться хотелось ему, и сдерживало что-то, и было страшно. Не одолевши чувств, обмяк Молозев. Так каждый раз, подходя к краю, обмякал он, не решающийся ни на что, слабый, не доведённый до крайности, не обработанный, не закалившийся духом, потерявший корни, морально опустившийся, подавленный, опустошённый. Нет бы шагнуть вперёд.

Дворцовый переворот

Понтиферов был дерзновен. В нём всё пылало распустившимся цветком. И волосы, окаменев, вздымались и топорщились. Словно вазу нёс на голове Понтиферов, большую, колонную, из дворца. И тяжело ему было, и неудобно нести, и голова, переворачиваясь, клонилась набок.

Тяжесть непознанного

Собрались. Поговорили. Но не было никого, кто бы мог сказать, правильно ли говорят. И потому разошлись с тяжёлым чувством, не познав, не проверив себя, в неуверенности, что же что.

Верой и правдой

Клялся Карамышев на священном писании. Божился, расхристав глаза. К небу возопиял. Но уже больше никто не верил Карамышеву, пошатнувшись правдой.

Предупредительный Половодов

Обмахивание

Медленно на тросе спускал Половодов груз и, чтоб никто не мог стать под него, кричал и махал руками.

Избегание

Ударившись головой, дальше шёл, держась за неё, Половодов, чтоб не удариться в другой раз.

Опахивание

Усевшись возле огня, Половодов сидел и отдувался, испуская пот. Нет бы вызвать себе опахальника.

Обозв

Вместо того, чтобы нашептать, дунул в ухо Коростову Половодов. Спас ли кого-то этим от его напираний или не было ему что сказать? Только вроде бы обошлось.

Розовое в голубом (преследование)

Розовые штаны надел на себя Властимиров, широкие розовые тренировочные штаны, с белой лампасиной вдоль, с заходящими на неё прорезями застёжки снизу, с продёрнутым по всей длине швом, вдоль и спереди. И так хорошо было ему в этих розовых штанах, так свободно, так легко, ничего не стеснив, что хотелось бежать и петь. И побежал Властимиров вдоль автострады с автобусами, вдоль гаражей в зелёную угрюмую краску, вдоль всего-всего. Полетели за ним запахи разворошённой земли, начиханных машинами тротуаров. Розовые штаны Властимирова мелькали в кустах, словно гнались друг за другом весенние зайцы. Гнались и не могли догнать. В этом тоже было своё, какой-то таинственный смысл, обещающий и дразнящий. И никто бы не мог догнать Властимирова, никто бы не мог понять его, кто бы так же, как он, выйдя, не надел бы розовые или голубые штаны, не побежал бы кустами следом.

Перевёрнутый вверх ногами

Всё казалось Миробову, не так ходят люди. Не так ступают, не то говорят, не то едят, не о том беспокоят себя. Всё казалось Миробову, придёт день, станет всё на место, как оно должно быть, как правильно. Казалось ему, что человек не для того живёт, чтобы есть, не так устроен, чтобы только переиначивать, что ведь должно быть как-то совсем по-другому, как не бывает. Тяжёлая голова у Миробова. Не даёт ему стать ногами.

Непреходимость

Перебежав улицу, спохватился Камеров, что не там перешёл. Надо бы вернуться, начать сначала, пройти немного и перейти. Но что-то не даёт этого сделать, держит, мешает так поступить. Отчаявшись побороть себя, бежит Камеров, вперёд и вперёд, всё дальше и дальше, не оглядываясь и не видя перед собой. За ним голова к голове, прижавшись, бегут след в след, может быть, такие же, как он. Может быть, потому так удушливо и отчаянно в безысходности невозврата, невозможности перемен бежит вдоль дороги Камеров, понимая, что не дано ему перейти, как положено, там, где следует, там, где надо.

Параллели

Права и законы

В озеро упал Моробоев, когда шёл по доске, переброшенной через затоку. Думал перейти, но не получилось. Озеро вышло из берегов, захватив, выходя, валявшиеся у берега камни, мусор, палки, брошенные окурки. И Моробоев пошёл ко дну, будучи одет тяжело, по погоде: стояла весна, но с ветром, и было холодно. Об этом знал Моробоев и это просчитывал, а вот о том, что доска, зацепленная одним концом, действует как рычаг, если на неё наступить, а озеро, если упасть в него, выходит из берегов, ровно настолько, насколько в него упало, - об этом не знал Моробоев и об этом не думал. Что же тогда права и закон? И прав ли потому, идя ко дну, Моробоев, надевая тяжёлое, промокаемое и набухающее в воде? Можно ли просчитать это моробоевское, эту истину для двоих - физического и идеального, земного и водяного, не зная всей подоплёки, не чувствуя бедственности создавшегося положения и не входя в подробности сложившихся обстоятельств? Не потому ли так медленно и с таким трудом внушается мысль о законе, входит в сознание, не оставаясь, однако, там, вытиснутое другим, упавшим в него и чуждым, как Моробоев в озеро?

Время и цвет

Понтиферов положил пелерину на шкаф. На шкафу было пыльно, и она залежалась на нём толстым слоем, вся в бархате пыли, посадившихся на неё.

Пелерина Понтиферова, полежав на шкафу, перестала походить на себя, слившись с ним, обретя его цвет и запах.

Не так ли и всё остальное, полежав одно на другом, перестаёт быть собой и теряет вид?

Скомпрометировавший себя один раз Мортиросов

Мортиросов принял вазон, сидя на своём месте. Это никак не шло. Не годилось ему принимать. Уронил себя Мортиросов. Все приходящие теперь к Мортиросову знали про это, хихикали про себя, думали нехорошо про него и несли вазоны. И завалили вконец вазонами скомпрометировавшего себя один раз Мортиросова. Потому так накладно и тяжело чувствует себя теперь Мортиросов, неуютно на своём месте, гнетуще, качается и трясётся под ним, грозя обвалиться, раздавленное вазонами, поощряемое за окном хихиканьем и нехорошими мыслями про себя.

Упавший сверху (причины и их последствия)

Пролетая по небу, нагнулся Хоронов звезду достать, не удержался, упал и повис на антенне.

Всю ночь у Хромова мельтешил экран и показывал всё одно и то же.

Соразмерности

Корытов Коробову кардан достал, и за этот кардан всю жизнь платить теперь Коробову.

Служенье Муз

Кавалеросов, сыграв на фортепьянах, вырос в глазах своих. Всё было чистым, выветренным, как будто только что помыли, почистили и выколотили инструмент.

В майских окнах играли отблески нерасплескавшейся ещё зари. Было приподнято и хорошо. Музы стояли в скорбных позах, подобрав подол, у выстиранного инструмента, служа подставками для попитра.

Открывались и закрывались двери входящего внутрь сквозняка. Начинили сопеть и кашлять струны. Кавалеросов откинулся, не видя и не слыша, и, упоённый, с откинутыми глазами лба, ухватил Муз, служащих подставками, за шею, чтоб обмахать ими, держащими попитр, свой пламенесющий в профиле разворот.

Опять параллели

Переворачиванье в суете

Пестерев опрокинул полоскательницу, и всё, что было в ней ненужного и мелкого, отброшенного от себя, вдруг появилось и всплыло и предстало в своей наготе: как прошлое, которого нельзя обмануть.

Искривление

Обозлившийся на сам себя, укусил за ухо себя Марафонов, но не смог исправить искривившегося положения.

Опущение

Всех победил в соревновании Коротонов, всех побил, и даже Коротов, не намереваясь сдаваться, не смог не признать коротоновской безусловной победы. Куда идти теперь дальше, с кем теперь воевать? Все стоящие сели, и всем стоящим праздным показался вопрос. Нет бы помахать флагом и поднять вымпел в честь. Скучным показалось всё это, и не стали ничего поднимать.

Сон

Страхов напустил в постель к себе Кратеров. Больших белых страхов. Прыгали они и ругались над ним. И было с ними Кратерову неприятно и тяжело. Махал на них Кратеров и гонял их, и утомлённою головою бодал отчаявшись. Не помогало. Во сне это случилось с Кратеровым или же наяву?

Режим в экономии

Каждый день, ложась ночью в постель в своём доме, загалал свет Филоронов. Чтоб не горел. Чтоб не платить потом лишнее. И в этом видел большую необходимость. Вылететь бы ему иначе в трубу. А так, поскольку в экономии по ночам Филоронов, то жив ещё и ложится спать, всегда зажигая свет.

Вид и обычай

Задрал штаны, садясь на табурет, Сефиротов и сел, а сев, подумал, зачем задирал. И вроде не было ему никакой причины, и вроде мог бы сесть без того, но что-то толкнуло его на это, какое-то было к тому движение, какой-то дёрг. Уж не в юбке ли раньше садился на табурет Сефиротов и потому привык так садиться? Неловко стало от мысли такой Сефиротову, и опустил он голову, погрузился в себя, напустив вид, что о чём-то серьёзном задумался, о чём-то совсем другом.

Нарциссизм

Раскрывая объятия навстречу ветру, неся вперёд Полоустов, не разбирая дороги, ничего не видя перед собой, ни о чём не думая и довольный собой, топчя растущие под ногами нарциссы.

Перверсия Пересудова

Перверсия положения

Физиеклиев кларинет* положил на стол, и трубкой, вынутой из души, дутой в стержень, повозил инструмент на одиноком столе. На нём не было ничего, кроме вымазанной по бордюру губной помады. Пересудов здесь был не при чём.

* можно сказать, что кларнет?

Перверсия пласт'ик

Преторов пластилином привык замазывать всё. Мажа пальцы и обтирая ими потом обшлага, Пересудову перемазал выросшую щетину. И долго не мог понять потом Пересудов, что это могло быть: расплавились ли волоса бороды, слиплись, или такая попалась бритва - не резала, только мазала.

Перверсия состояния

Выстоял очередь вместе с Пироновым Пересудов и недостоял.

Перверсия перебора

Слишком много воды вылил на голову проходящему понизу Пересудов. Зазевался, перебирая в голове бывшие неприятности, и не заметил, когда конец.

Перверсия одного в другом

В стакане плавало что-то, ложкой пытался достать Пересудов, но не удавалось. Так и в жизни: плавает что-то и не можешь достать, как ни пытайся и что только ни предпринимай.

Перверсия продолжения

Пересудов распластал на столе сиг'а. И что же дальше делать теперь? Кто скажет? Все забыли уже давно, что с ним делать.

Перверсия задиранья вверх

Задирая голову, Пересудов шёл впереди себя и не видел, и наткнулся на всё, что перед собой, и всё это переворачивал, пока не наткнулся на Портомоева, шедшего так же. Оба стали, потому что никак не могли пройти, не перевернув при этом друг друга.

Сильвнио у окна

Открывается окно, в которое поют серенаду, и высунутая рука бросает что-то в бумажке вниз. Бумажка, летя, разворачивается и красиво летит пером. Упавшее оказывается барашком. Гитара плачет, барашек блеет, и вечер кажется таким голубым.

Уединение

Весь в природе был Кустозёров, весь погружённый в природу. Лица казались листьями, локти кустами, и в них, как в нишах теней, застывал и прятался Пузырёв.

Забвение

Расстегнул штаны Хоробоев, а зачем - забыл.

Кризис доверия

Косторезов завещал Разуваеву кое-что, умирая. А потом стал отнекиваться. Ничего, дескать, не завещал. Как после этого верить?

Издержки производства

Зонтик у Филимонова не раскрывался, чего только ни делал с ним Филимонов, чего только ни предпринимал. И так пошёл Филимонов, с зонтиком и под дождём.

Пятновыводитель

Посмотрел на себя и на других Алахвердов и сделал нелицеприятные выводы.

Око за око

В голове у Сизонова всё мешалось, мешалось и, образуя ком, застывало, так что ничем потом нельзя было ни разбить, ни выдолбить. Голова его оттого походила на большой оцементированный вылитый воедино бордюр. На него и садились галки и расклёвывали в куски. Далеко впереди себя смотрел Сизонов, но ничего не видел.

Подъём головы

Одного за другим посадил себе на голову корибантов* Фимонов. Сам не заметил, как посадил. И теперь голова у него как горный подъёмник, подвешенная на ушах и висящая носом вниз.

* NB: слово трудное, поискать в словаре!

Спех

Апологет Половинов положил себе выдать всё. Чтоб не надо было повторять. Чтоб запомнили и чтоб потом больше к этому не возвращались.

Причинности

Простипомов растворил окно и выпустил муху. Чтоб не надо было ловить. Чтоб спокойно спать. И чтоб не поймать её в рот, когда придётся вдруг закричать со сна.

Фил'инов запустил в голову Козеродову камнем. Чтобы тот не запустил. Чтобы не держать камень в руке. И чтоб не появилось желаниа запустить им другому.

Резомов, став на мосту, прыгнул сразу. Чтоб не смотреть вниз, не испугаться, не передумать.

Клопотов, встав, сразу сел и не вставал больше. А мимо шли. И каждый спешил своё.

Открытое стояние при двери

Косилкой поранился Твердохлёбов. Угораздило же. Стоило ли стоять перед дверью?

Свет в окне

В окне у Свекловидова появился свет. До этого не было. До этого окно было тёмное, совсем невидящее. Свекловидов выставился теперь весь в него и смотрит.

Исчёрпанность

Между ног еле протиснулся Маритимов, еле продвинулся к входу. Заслонявшие не отодвинулись, лишь кольхнулись. В открытое окно, потом дверь дунуло улицей, и тяжело, кулём, повалился на неё Маритимов, качнув всех. Вытолкнули его и сомкнулись. Хохотнули словно, смолкнув. Словно не было никакого Маритимова с ними, словно так и стояли, словно не убавилось их, словно всё.

Взвесь

Мальтусов открыл окно продышать. Тяжело было. Ему приснилось. Холящие пальцы вдоль спины, открытый задок и завёртка. Кольнуло что-то под низ живота, затуманилось и забилося. Словно невыпущенная из головы птица.

День за днём проходил, и не было никого. Уже остывали первоначальные привидения. Уже показывалось что-то совсем другое. Уже и поезд его уходил, давно пришедший и стоявший, с платформы, поезд, и не было, совсем не было того, кого ожидалось, красивого зверя с трицепсами, раскосым посадом крутой головы, и рвущего, опустошающего, вытягивающего навыворот. Как пух, летящий из вывернутой подушки, оседал не опустошённый Мальтусов в своей городской квартире, не могущий вырваться на простор, задавленный, стиснутый в четырёх стенах условностей, и голова его, не так красивая и не так повёрнутая, виделась тоскливым пионом в распах окна.

Всюду жизнь

Рататуев побил Карманова. Один за четверых. И лежал Карманов без задних ног, как пьяный, которому не дойти одному до дому. За что побил Рататуев

Карманова, за сколько сквозливых штук? Половодов приносил считарь и на нём раскладывал. Родовались соловушки по ветвям-деревам. Плыли гомозильники в разбуженном бодром пространстве, скобчали дворники на стекле, и не было никому до Ратагуева дела с его киём.

Карманов шевельнул ногой - жив, значит, и не о чем говорить.

Светлячок

Стигов раскурил трёшку на спор и поперхнулся дымом: грязные лапы мусолили светлый лик.

Обыдённое

Музорогов отчебучивал геги: медленно раскрывал рот Малахитову и запускал ему пальцем в рот. Не бог весть что получалось, самое что ни на есть не бог весть.

Подвиги Коротомова

Становление

Становясь в позицию, Коротомов выставлялся всегда вперёд, ногу выставлял и руку. И стоя так, походил на памятник. Сам себе и всегда живой.

Удовольствие

Выскочил на идущего Коротомова лев. Руку вытянул навстречу ему Коротомов. Только руку.

Борьба начал

Подушкой служил Хазимову камень. Рыхлый, песчаный, капельный. Нogu на него постановил Коротомов, высококую, полированную. Камень упал и спёкся. Хазимов плакал.

Распускание

В выси бывал Коротомов и, опускаясь, распускал полу, чтоб не сломать ног'и при падении.

Тайнства К*

Коротомов раскрылся, распахнул ворот, и запах вылезла вся его благодать, прикрытая кирпичом - кирпичного цвета лимузинный бюстгальтер, в мелкий рубчик и сеточку.

Значение

Померкло в глазах у Коротомова. Смеркалось.

Шевеление плоти

Отодвинув доску, пошевелил Коротомов внутри ногой. Огурцы лежали, как дети, невинные и большие. Плотны, мокры, солонны.

Коса на косу

Сикомантов, разбежась, подвизался забить Коротомова, прободев ногой, но нога Коротомова оказалась выше, несмеримо выше ноги Сикомантова, и тому ничего не удалось.

Испитание

Плеснули на Коротомова раз, когда проходил подавать под окны, плеснули другой, испитался плесканиями на себя Коротомов и стал исплёскан весь и вознесён на углу.

Обнижение

Кляузов порешил, что распушил Коротомова в глазах и ушах всех, но оттого ещё выше и недосажимее залетел тот в высь, на которую не ступать ногой Кляузову, тяжёлому и низкому своею ногой.

Не походя

Дондеронов разгуделся внутри на себя, раскудываясь и рабудываясь. Коротомов шёл, не подымая ног, не желая издавать звук и тем уже походить на Дондеронова.

Ио (осуждение)

Дорической колонной стоял, набычась у входа, Разбубенев. А Коротомов стоял ионической. И колыхался гривой то ли в ожидании, то ли в осуждении.

Последовательность и объективность

Коротомову становилось жарко по мере того, как шёл. Расстегнул одну пуговицу, потом другую. Потом и снял.

Трудности перехода

Ставил свечу Хробостов, не попадая никак, колотясь и тычась. Раз не попал, и другой, и третий. А всего-то и надо было, что ткнуть. И оттого это, от той простоты, руки его тряслись и пальцы сходились один с другим.

Сидящие вокруг пожёвывали губами, наблюдая мотание пламени в хробостовских руках. Большие, тяжёлые тени их, пущенные из рукава, тюкались, словно глиняные горшки, перебежали одна от другой по стёклам.

Хробостов, распаясь, ткнул наконец не туда и закосил всё. Стало темно как в бочке.

Сопrotивляющиеся

Схватили за руку Парусилова, потянули и вывели из толпы.

Невидаль

"Фи" - сказал Карманов, распуская пальцы. Головачёв тоже сказал то же "фи". Но над чем стояли Карманов с Головачёвым, было невидно.

Тяжести существования

Сахарный диабет (отечество)

Склеивались волосы у Громилова. Долго кричал он, выходя из себя, пар исходил и пот. И сладок был день Громилова.

Что да как

Вертухаев распластался на мостовой. То ли быстро бежал, то ли упал с балкона. Не разобрать было сверху, стоя на карнизе девятого этажа.

Кто кого

Похвалили Картинова, он и рад. Что дальше теперь? Кто хвалить будет? Подходит очередь, все толкаются, каждый хочет вперёд, каждого не пропустить, и стоящие сзади хвалят стоящего в самом переди Картинова, пусть бы шёл себе дальше.

Мертворождённые

Кулыгин сплюнул в сердцах, породив сомнение у всех находящихся в искренности произнесённого перед тем.

Перекатывающиеся сквозные промои не мешали никому принимать необходимое наличное впечатление, и ходившие, передвигавшиеся со шлангом, втыкали наконечники вглубь постановлённых голов через уши и затылочные отверстия. Серебряным звоном падали струи в поднесённые чашки-плевательницы, и, если бы не Кулыгин, ничто не нарушило бы процедуры.

Кому в мистическое далеко

Раскрываются головы по одной, как лопающиеся к утру из ночи цветы магнолий. Дух их тревожен и пьян и рассылаётся по гудящей окрест округе. Копытов встаёт с постели с лопнувшей головой и идёт под кран облить намокшую в

ночи фризуру. В зеркало из окна глядит на него высывающийся коричневый пест цветка, намреваясь пылить пылью. Копытов смотрит и ничего не видит. Глаза его запылены, зубы в белых обводях за кромкой плескающихся на свету полунебесных лилий совсем почти скрыты, сам он в чаду, только белый язык лотосовых от него воскурений полощется, радуясь, в чашке-зеркале, солнцу.

Также и Лопарёв крутится на одной ноге, думая, что он одуванчик, а что от него летит на все стороны, совсем ничего не видит.

Белое в зобу одеяло спёрлось у Лопарёва, и то ли его совсем нет, украдено, то ли оно его задушило, понадавив на кадык, когда в ночи он не слышал, доверяясь сну.

Также и Копытов - смотрит и ничего не видит, кроме дурной своей головы, никакого цветения, никакой открывающейся в себе с торжеством природы.

Так кому в это действительно мистическое далеко? Кто готов к нему, если не ты, не он, не мы, не они, не вы?

Об этом думал дорожник Хроботов, шёлкая в метроном и шеveled при этом кувыркающимися под ветром губами - голубиными крыльями под бодрящим весенним ветром.

Наушения

Сгрыз Мамаедов орех. Сгрыз второй. Не обломался зуб Мамаедова. Картинным жестом он швырнул скорлупы и вынул шипчиками тонкую перепонку ядра. Открытыми глазами наблюдала Лильен за Мамаедовым, разряженная в бордовое платье Лильен, подбивая его тем самым на третий, таким же, как вынутая им перепонка, в декольт ядром.

Впотаё

Воспотел Иванов, раскуражась и разголясь на солнце, набегавшись за Мермехлюдовым, прячущимся в потёмках лесной тайги, не захотя с ним делить, не захотя с ним на чай при самоваре с кедровыми шишками под сосной. Им и так вдвоём было в кусту хорошо, понакрытыми еловыми ветками и мохнатой его листвою. Долго искали их и не нашли за горой, скрывающих страсть свою к лесной ежевике.

Забывтое старое (литературищина)

Безнососов-Молхомовских, магометанин, причастился вчера всех их таин. И что? Кому от того хуже и лучше? Все, видать, помешались на доме Обломовских, все входят и не выходят в него, все ищутся и не находят, в чём чья вера, но не могут молчать. Вот и Мирьев вчера кричал, подскочивши на рельсах с подушки. Привиделся ему Мордарёв без спины. Приходил и пел.

Тяжёлые дни проходят ему легко, говорил Мордарёв, когда он поёт под бубен цыганскую громкую песнь, или тибетский канон, или что-нибудь африканское. Но Мирьев ему не поверил, ища своего, и был прав.

Признаки запустения

На поле выехал Коротомов собирать свою рать. Галочье кричало, не накричавшись с вчера. Лежала в ухабах падаль. Дул от бугров северин. Ходили тени без глаз и бровей на лице. Ничего не собрал Коротомов. Постоял, погойкал, понаследил. Большие подпалины в голубом свету белых лилий качались невидимые в воздушном небе. Коротомов не видел, Коротомов шёл мимо них, думая про своё, про ничтожное, про то, как бы собрать ему то, что нельзя собрать. Усталым вечером снизошла луна на отлуп, погрузивши в линию лесопосад круглый свой подбородок. Кусты рябины росли у плетня, опаживая его своими в цветущих жгутах метёлами, топорились на проём. Коротомов хлопнул калиткой в сердцах, повешенной уже на одном гвозде, и по заросшей, давно не метённой тропке, медленно волочась, скрылся, уйдя к себе.

Когда подождёт

Десятым стоял в голове хвоста Парусинов, дожидаясь себе того ж, что передним давалось. Открывались и закрывались входящие двери, впуская по одному. Когда-то дойдёт очередь и до Парусинова, когда-то надавят на него, когда подождёт?

Тяжёлые надежды и дни Хенерозова

Антистатик (критический этюд)

Медленной рукой поводил над столом Хенерозов, сгребая пыль. Тонкой рукой в белой тряпке. Ворсинки встали, наэлектризовавшись, у него на руке и у тряпки. И так же встала, вздыбилась, незаметно, невидимо, на бляхе полированной доски стола пыль. Хенерозов не видел этого восстания пыли. Что же тогда он сгребал?

Неоправданные подозрения

- Откройте чемодан, немедленно, проходя, сейчас же откройте.

Хенерозов открыл. В чемодане не было никого. Лежал только носовой платок, завязанный по четырём углам аккуратной рукой квартирной хозяйки. Хенерозов подержал-подержал чемодан и закрыл. Мимо плыли глубокие облака, словно воспоминания Хенерозова о недозволенном.

Капля в море

Опускаясь в волну, Физиков ни о чём не думал. Поэтому, когда опустился, не знал, из чего мы рождаемся и куда уходим.

Тяжущиеся (каталептические видения)

1. С моста

Велики грехи Портомоева, они тянут его ко дну. И со дна того нет ему выхода. И с моста, если начать тянуть через воды лет, то не вытянуть, не притянуть. Над головой каркают лысые затылки стервятников, желающих своего. Махать руками, чтоб их отпугнуть, значит окончательно упустить Портомоева в несущий его водосток. Кричать - значит нарушить покой растворяющего его абсолюта. Поддаться идее небытия - лишит Портомоева, может, последней возможности. И остаётся только бесплодно тянуть, мыча и брыкаясь, в пустом отчаянии, всё более укорачивающиеся, всё более слабые руки с моста Портомоеву, а того несёт, того заворачивает уже в кокон струй, и сколько б их на мосту ни стояло тянущихся, руки вечности покажутся их длинней.

2. С балкона

Нос у Сизобородова, мистика, стал ни с того ни с сего вдруг вытягиваться, не по дням расти.

Ничего с ним не делал Сизобородов, он сам. Сначала верхней достиг губы, потом и нижней, затем подбородка, потом такого красивого, с вырезом у Сизобородова, кадыка, потом и ниже, щитовидной железы и яремной впадины, потом выпирающих рёбр грудины. Ничего продолжал не делать Сизобородов, а нос всё рос, уже достиг середины груди, уже и солнечного сплетения, уже и пояса на пупке, уже пошёл дальше и больше, уже перестал руками доставать Сизобородов конца напрямую, надо было теперь наклоняться достать, уже колен, уже половины голени, уже упирался в пол. И тут не выдержал Сизобородов, выскочил на балкон. По небу летали длинноногие чайки, пирамидальные тополи чиркали над плоскими крышами ногами своих вершин, облака в поднебесном мареве нюхали с фарфоровых чашек голубизны. Тошно стало Сизобородову, непереносимо тошно, высунул он с балкона в решётку свой нос и закричал.

3. С пяти шагов

Арматурой потянул Бебиков Киверова, в порыве энтузиазма тянущегося к вселенским тайнам. И надо же, с каких-то паршивых пяти шагов.

4. С дивана

На стул посадили с ногами Игумнова и вытянули, растянули его до конца, до другого стула. Повис растянутый и закаменевший Игумнов, по нему хоть ходи. Сидит на диване Индикополов, смотрит и ноги боится поднять.

5. С трамвая

Выходя из троллейбуса, как и положено, Ктиторов обошёл его сзади и зацепил размахнувшимся вязаным шарфом в порыве ветра бегущего Козломордова за деревянную пуговицу на того рукаве. Тот бежал на трамвай, опаздывал и нарушил правила дорожного уличного движения. Теперь вот оба, и Ктиторов и Козломордов, бегут впереди трамвая, Ктиторов - чтоб не отдать Козломордову шарфа,

Козломордов - чтоб всё же успеть, держась при этом за свою деревянную пуговицу, а с не тронувшегося трамвая смотрят на них как на двух дураков.

6. С окна

Потянулся на своём матрасе Картинов и свалил, задев, на голову Каравасава цветочный горшок. Привязал ли кто к нему ночью Картинова, руки ли длинными стали или так просто вытянулся Картинов в порыве утренних чувств? Никто не знает, никто не видел до тех пор Картинова, ни до ни после того.

7. Со второго раза

Простипомов почувствовал под ухом тянучку. Нюх у него на них. Подсунул руку и потянул. Лежит и тянет рядом с Махортовым. Это Махортов ему подлепил: обычное дело, пожуёт-пожуёт и прилепит куда-нибудь, сколько раз Простипомов ему говорил, говорить стало совсем бесполезно, впустую. Оборвалась - совсем не тянется в этот раз тянучка. Может, попробовать ещё раз?

8. С дурной головы

- Угу, - стянул себя в поясе Кистенёв.
- Вот видишь, он говорит, - сказал убеждённо Кубарев.
- А может, ещё попробуем? - они с Ковырёвым поспорили, насколько может стянуть себя Кистенёв, чтоб не сказать "угу".
- Давай, - и снова в поясе стянул себя Кистенёв. У Кистенёва была осиная талия и широкий солдатский пояс.
- Угу, - сказал Кистенёв.
- Дави ещё, - и Кистенёва сдавили двое, сзади Кубарев, спереди Ковырёв.
- Угу, - упрямо повторял Кистенёв.
И сдавили снова.
- Угу, - уже с натугой и весь краснея, но всё равно сказал Кистенёв.
И опять сдавили.
- Угу-угу, - глухо ухал филином, а его давили, и пояс не лопался, и талия уменьшалась.
- Угу, - говорил Кистенёв. Пальцы Кубарева побелели, а ногти у Ковырёва стали синими и словно в ладони вросли.
- Угу, - гудел всё своё Кистенёв. Штаны на нём треснули, не выдержали штаны, потому что коленом сзади упёрся в них Кубарев, а Ковырёв их спереди тёр и тёр, но упрямо, упорно, хотя и с натугой, "угу" и "угу" говорил Кистенёв.
Голова с головой слиплись головы Кистенёва, Ковырёва и Кубарева, и непонятно было уже, кто из них говорит "угу".

9. С понедельника

Начать решил жить Зимородов. И зажил. Корытов притащил скипидар и они смазали им все углы и кровати. Полиссандров разнёс на куски ковёр, чтоб никого там под ним более не оставалось. И жизнь потекла по-другому. Дни потянулись за днями, кремешные, тёмные, зимние дни.

Облепленные, охваченные огнём миротворцы

Или вы или вам наддадут. К такому выводу пришёл Гамаюнов, садясь на кресло с ногой. Подложив её под себя, он устался в телевизор с бегающими там и стреляющими. Шум во дворе не отвлек Гамаюнова, уставившегося смотреть. Также не отвлекал он сидящих за стенкой в такой же позе, также и наверху, и внизу, и сбоку. Равно как и тех, кого не показывали, но кого имели в виду, проходящих с миром, останавливающих стрельбу, противников военных пожаров.

Гамаюнов откинулся на подлокотник, устав напяливаться. Гамаюнов заснул, открыв рот, и рот его облепили мухами стреляющие и взрывающиеся, перебежавшие, отражающиеся теперь ползучими искрами на недавно вставленных металлических посверкивающих зубах, словно пламенем вспыхивающие горячие миролюбцы - борцы за мир.

Гамаюнов откинулся ниже, издав изо рта ястребиный клёк, полыхание перешло на сервант, стреляя по всем углам хрустальную вазу, бывшую там, матовые в слюняво-молочных разводах стакашки, кофейный сервиз с голубыми цветками, чешского стекла пастушков.

Упавшие очки Гамаюнова поблёскивали отсутствующими невидимыми глазами, ловя на отсветы скачущие-красные, кроваво-жёлтые полыскучие огоньки.

Экстраординариа

Положили не выдавать. Привезённое было большим соблазном для всех появляющихся в дверях и стеснённых в своих обстоятельствах. Тяжёлые хмурые лица, ожидающие у перил, открывались с надеждой навстречу входящему.

Водород

В комнате газ, и в нём оплевешей рыбой плавает Гамаюнов.

Встречи и проводы

Шевельнулось что-то в голове Гамаюнова. Но оказалось, что ничего. И пусть. На том и расстались. Сожаления не было.

Понукание

- Ну! - сказал Гамаюнов. И Парусинов сказал своё "Ну!". И "Ну!" сказал Ктигоров. Только Мордобоев один ничего не сказал, но смотрел подозрительно и противно.

Гуд

Незачем было привставать, незачем было ходить, делая вид, незачем раздавать оплеух по подвёрзшимся, как если б был сам затюканным и забитым. Незачем замыкаться в себе, смышлять, на не тыченом, не дробящемся, не толчёном

лбу, незачем расстилаться и прятаться, ибо всё свирепое, всё обрётённое, всё выстраданное гоношится прилепицей на скром'е прозелитами, выводимыми в бестревожу. Чувствуемое валялось сброшенным с плеч мешком, утрудивши и надоевши. Одна только мысль поднять его наводила тоску и ной, и не смлось рук, не пряглось отпустивших мышц.

Чемоданов вносил порядок в расставляемое по местам. Накиданное в налом показывалось теперь дорогим и достойным. Производившаяся ревизия обнаруживала завал не использованного добра, и это было большим оправданием предпринимаемых направлений.

Предстояло пройти тяжёлую, но обнадеживающую полосу бытия, как если бы всё сводимое и истощившееся без конца могло знаменовать собой большое начало.

Ему верилось в достижимость призывов, и в этом он был так же искренен, как и Ктиторов, поставляющий контрабанду. Верилось в существо, и это чувство, это внутреннее его должно не глохло в нём и гудело.

Прикосновение к тайне

"Пусть", - подумал себе Ляпунов, раскидываясь по круглой диванной софе, - "пусть она себе вертится, я не выйду из равновесия". Мелькали минуты и дни, текли киловатты пространства, никто и ничто не могло б теперь остановить Ляпунова, и, главное, никто и ничто не знало, о чём (а может, о ком) говорил и думал себе Ляпунов.

Узнавание

Ктиторов заглянул в себя и увидел одни глаза. Куда ж остальное-то всё подевалось?

Телесные слабости и тревоги

Голубев лёг на живот в муравейнике. Летали птицы, плыли круглые облака. В тяжёлых соснах задумчиво щёлкал шишками ветер, бросая на землю пушисто-перистые скорлупы. Наклёвывались в лесу семена. Голубев лежал и думал невесёлую свою и бесплодную думу - как же теперь-то ему и даст ли что лежание здесь в муравейнике? Говорили, должно помочь, но сомневается Голубев. Он всегда сомневается и делает всё напротив. Лежит теперь Голубев животом, грызут его муравьи и не знает он ничего, и опять не верит.

Самовлюблённость (скрытые причины эгоцентризма)

Махугов обнимал себя сам. Больше некому было его обнимать, никого рядом не было, никто в тот момент не стоял, в зеркале отражался один только Махугов и лампочка без абажура над покрасневшей и голой его головой.

Распობленне: в ночи воды

Веслом зацепил луну Комаров, плывя на воде. И она качалась, качалась, и белые блики хлопались у деревянной пристани, у балок опор, дробились осколками блюдец и падающим в чёрных глубинах наследственным серебром. Рябь воды волнуемой скатертью перебиралась в тени помоста, и стоящий на нём наблюдатель походил на подсвечник в широкой шляпе. Комаров, плывя, думал, кто же тогда он сам - несомое с чёрным лебедем блюдо, ладья с конфетами на фортепьяне или султан с пером?

Ослабление

Устал Касторов. Раскидался по листьям травы. Понамял труды понасявшего газоны Кротова. Знал бы тот, не простил, нащунял бы Касторова, научул, нарыкал бы, натолкал. Но не знает Кротов. Оттого так вольготно и раскидался Касторов - когда ещё выдастся случай ближнему так легко досадить? Проходящему Кучину жутко от подавляемых в обыденной жизни тёмных сторон души человека.

Нелюбовь

Люриков любил угощать Казотова лимонадом, потому что Казотов именно лимонада-то и не любил. Угощая, он ставил стакан перед Казотовым и, наклонясь, заглядывал тому прямо в глаза, с каким-то страхом и вызовом, ожидая, что сделает в этот раз Казотов - закричит, затопает или плеснёт из стакана в склонившееся перед ним лицо. Но кривил только, горестно усмехаясь, Казотов губы, тонкие губы мучителя и не кричал. Понимал ли, с чем играет Люриков каждый раз, с каким огнём?

Встреча с жизнью

Губами потянулся к кусту Лопарёв и влез в паутину. Вчера ещё не было, а теперь вот, вся в каплях слизи. В таких же каплях, только помельче, со стрижкой ёжиком, сидел на углу паук, серебристою тронутый сединой. Смотрел, не мигая, чёрными точками кожаных глаз. Пугал? Хотел съесть? Лопарёв отодвинулся, как от медведя к кусту, вдруг ширнёт непонравившегося пришельца и, хотя делить им вроде бы как и нечего - пауку одно, Лопарёву - другое, но вдруг? Сердце стукнуло тяжело, как пойманное в паутину животное, забилось в тревоге. Кося беспокойным взглядом, подвинулся Лопарёв в направлении поджидавшего караульщика. Водя руками медленно, чтоб обмануть, словно плыл под водой, плавно снял круговыми движениями паутинную сетку, на мгновение замер у развилки листа. Колючие лапки шипастых веточек переплетались кружевом. Лопарёв осторожно, словно работал пинцетом, двумя стрекозинными пальцами, указательным и большим, с тремя остальными, растопыренными плюмажем, снял паука и съел.

Было тихо. Шуршали в кустах малиновки. Плавали над головой облачка. Собирался невидимо зреющий летний дождь. В усах Лопарёва запутались свёрнутые мушинные лапки, прозрачные крылышки мошкары, волоски, паутинки, ягодой прыскали влажные губы, непостижимой ягодой, таинственно-фиолетовой, переходящей в чёрное, красящей бузины.

Перемены (опять?)

Ктиторову заменили баян на холодильник. Потом только принесли унитаз. Что ещё будет? У Глобалёва зато тревожные дни.

Преходящие

Каримов любил цветы. Обычно они стояли в вазе у него на окне. В хрустальной вазе на мраморном подоконнике. Теперь ничего не стоит у Каримова. Цветы поблёкли и краски их умерли.

Когда человек при деле

Дудников полоскал бельё. В большой посудине с металлической белой ручкой. В Дудникове мелькало и прыгало всё, в блёстках сверкавшей из крана воды. Летела пена, шлёпались рыбами хоботы скрученных мокрых и белых одежд и голова гудела как в трансформаторе.

Что б это было на глубине?

Листья падали. - Ну же, ну, - подстёгивал Коробов. Вот ещё один полетел. Вот ещё. И в голубых очертаниях струй совсем не видны были блёклые матовые обводья.

Прощание в тёмном и голубом

Силась привстать, Картинов себе только досаждал. Ничего у него не получалось. Голова была какая-то красная и надутая, словно поел слишком уж хорошо, а ноги большие, словно бы и не его, широкие ноги. Из горла выплёскивались какие-то пузыри, он останавливал их, и они застревали, не выходили дальше - это они, застревая, мешали привстать. Картинов переменил позу, опять же весь красный, как перезревший арбуз, а Ктиторов подозрительно на него посмотрел. Ничего не сказал, но подумал. Что-то совсем неприятное про Картинова, физиологическое, не идущее к месту, какую-нибудь физиологическую обычную пошло-циническую подробность. Пот заливал глаза, тело покрылось судорогой, как дырочками, Картинов силится и не мог. Никак ему в тяжеле своём не вставалось. По улице шли трамваи, люди, и надо было уже уходить. Все уже давно поднялись и стоят в дверях, только он один сидит как привязанный, не сводит глаз с наблюдающего за ним Ктиторова, думающего своё. Может, они друг без друга не могут? Может, Ктиторов хочет, чтоб он оставался? Тогда что же их держит, если не то, что не даёт просто так подняться и запросто так уйти? Ктиторов мнёт в руках кушак повисающей шалью скатерти. Картинов за ним следит, незаметными пальцами разминая затёкшие части бедра. Уходящие не спешат, медленно одеваются и медленно пятясь к двери друг за другом спиной. Но ничего не меняется. Гаснет свет. Площадка на лестницу освещается талой свечой, глаза туманно горят, предвкушая и всматриваясь, напряжённо сводятся брови, рты, разъезжаясь в давнимой улыбке, наполняются сладострастной слюной - все знают, что Картинов за птица с

Ктиторовым, что он за журавель. Но всё напрасно. Свет загорается так же неожиданно, как и погас. И сцена та же: Картинов пытается встать, но ему не встаётся, Ктиторов пристально, не спуская глаз, мерит циничным взглядом Картинова, подозрительно и противно, но он всех так мерит. Уходят, оставляя обоих вдвоём, поняв наконец, что в этом банальном мире никогда ничего интересного не происходит.

1986; 1988-1991; 1997

[Книга была опубликована в 1998 в интернете на нескольких сайтах в США, Израиле, Германии и Польше]

ISBN 978-966-07-1261-4